

Матьяна Алюшина

Судьба непринятой
пройдет

18+

Татьяна Александровна Алюшина

Судьба непринятой пройдет

Серия «Еще раз про любовь»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66114932

Судьба непринятой пройдет: Эксмо; М.; 2021

ISBN 978-5-04-157451-2

Аннотация

Почему люди так часто не замечают тех даров и новых возможностей, что подкидывает им судьба? Почему, даже чувствуя, понимая, что перед ним открылась новая дверь, человек лишь грустно вздыхает, подумав с сожалением: «Ах, как было бы хорошо, но...» – и идет дальше по привычной своей дороге, не зная, что отказался от самого главного в своей жизни. Насколько терпеливо провидение и расщедрится ли оно еще на один шанс для героев новой книги Татьяны Алюшиной? А если да, то не пройдут ли они вновь мимо друг друга? Может, и пройдут, ведь все мы так боимся перемен...

Татьяна Александровна Алюшина Судьба непринятой пройдет

© Алюшина Т., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Заснуть было невозможно.

Агата все уговаривала себя, что надо бы притушить переполняющие ее через все края и привычные рамки чувства и эмоции, но уговорить, как и что-то там притушить-утихомирить в себе, оказалось совершенно невозможно.

Ну как заставить все свои фибры-жилки, каждую клеточку тела, удивительным образом сделавшегося каким-то иным – легким до необычайности, чутким, трепещущим, – вот так: раз – и выйти из этого мощного, яркого, боже мой, какого прекрасного состояния эйфории и парения?

Приказать: стой, раз-два, я сказала! Так, что ли?

Агата разулыбалась, тут же живо представив себе, как приказывает чувствам прекратить непонятные парения, вос-

хищенные брожения и всем взбунтовавшимся «табуном» немедленно вернуться в привычное «стойло».

Ну какое тут спать!

Дунул ветерок, заиграл тюлевой занавеской, прикрывавшей проем распахнутой настежь балконной двери, затеребил ее, то раздувая пузырем, то заставляя перетекать волнами с еле уловимым шорохом, в серо-голубых предрассветных сумерках создавая иллюзию проникающей в комнату загадочно-миражной туманной дымки. Громко защebetала какая-то пичуга, видимо устроившаяся где-то неподалеку у балкона, ее песню подхватила другая «стрекотунья» чуть подальше, за той третья и где-то совсем в отдалении еще одна... Выводили на разные тона свои трели. Перепелись, пощebetали и вдруг в один миг замолкли все разом.

Агата поднялась с кровати, чего уж теперь, понятно же, что не уснет. Прошла к балкону, взяла из кресла, стоявшего рядом, покрывало, обернула вокруг себя два раза, закрепив концы на груди, отодвинула летящую туманную занавесь, легко погладившую ее по руке в очередном колыпании, словно приветствуя, и вышла на балкон.

Встала у перил, обвела взглядом раскинувшуюся перед ней панораму, прикрыла глаза с восторженным благоговением, глубоко вдохнула, втягивая в себя вкусный воздух, улыбаясь от удовольствия и какой-то теплой, искристой радости, переполнявшей ее.

Как же поразительно прекрасно пахло здесь лето. Необык-

новенно.

Наверняка так же прекрасно тут пахнет и осень, и зима, и, конечно же, весна. Но все-таки лето источало свои особенные, неповторимые запахи, разные в каждом из этапов-месяцев.

Сейчас, в самом-самом своем начале, оно пахло морем, все еще клейкими молодыми листочками кустов и деревьев, яркой, буйной зеленой травой, тонкими цветочными благоуханиями и чем-то ускользящим, необъяснимым, некой волшебной ноткой, вплетенной в букет ароматов, присущих только этому городу.

Агата медленно выдохнула, открыла глаза и посмотрела вперед, где начала светлеть полоска неба над морским горизонтом, еще даже не подсвеченная солнцем. Неохотно отступала ночь, посверкивая крупными звездами на западе. И внезапно примолкшие, в ожидании солнца, птицы перестали заполнять звуками прекрасную предрассветную тишину.

Да, это вам не Москва с ее вечным гулом мегаполиса, не утихающим никогда, с ее урбанистическими запахами и ароматами.

Агата еще раз с удовольствием глубоко вдохнула, смакуя пьянящий ароматами и свежестью, по-утреннему немного прохладный воздух, казавшийся густым и осязаемым от своей чистоты.

Хорошо! Да нет, не хорошо – прекрасно! Вот сейчас, в этом моменте, на рассвете этого дня – прекрасно! А что бу-

дет дальше... Бог знает. Агата чувствовала и понимала, что ее жизнь сделала очередной крутой вираж, а к худшему ли эти виражи-перемены или к лучшему – посмотрим.

Впрочем, если быть точной, перемены в ее жизни объявили о себе еще полтора года назад. Ну, не то чтобы прямо перемены и не то чтобы взяли и объявили...

Агата очень четко, до деталей, нюансов, разговоров-диалогов, эмоций и чувств, которые испытывала и переживала тогда, даже до запахов запомнила тот день.

Неприятности начались с взбучки начальства, вызвавшего ее пред свои совсем не светлы, а скорее темны очи.

– Соболевская! – когда Агата вошла в кабинет, прогреготал Хазарин грозным тоном, не предвещающим «ничего хорошего, кроме плохого», как называет такое состояние начальственного гнева их заштатный балагур Саша Дерюгин. – Я не понял, что за ерунда! – потряс он документом, зажатым в руке. – Какой отпуск?!

– Положенный, – умеренно строптиво ответила Агата.

– Шутка не зашла, Соболевская! – предупреждающе рыкнул хозяин кабинета.

– И не думала даже, Александр Романович, – не сдавалась Агата и напомнила: – Вы же подписали мое заявление.

– Ты обязана была лично мне его подать!! Лично! Тогда и разговора бы не было! – разошелся пуще прежнего искренним негодованием, где-то даже праведным, Хазарин.

Ага, сейчас – сама подать! Ну да.

Она еще с ума окончательно не соскочила – лично подавать заявление на отпуск в середине декабря. Ищите дуручек – мало того, что вылетишь из кабинета стремительным чижом, напутствуемая тяжелым словом, придавшим ускорение, так еще попадешь в личный «черный список» Хазарина, а это така-а-ая засада, что ну ее, понимаешь, на фиг, будешь в вечных наказанных ходить на всех самых «черных» работах и без премии.

Так что нет – ищите других смелых и дерзких.

Но! Есть у нас обходные, тайные, партизанские тропы – опасные, но при осторожном прохождении и верном маневре ведущие к победе и торжеству справедливости в твоей отдельно взятой священной борьбе за свои конституционные права. Всем в отделе было прекрасно известно, что если хочешь получить разрешающую резолюцию начальства на заявлении, то уж расстарайся как угодно, но заслужи внимание и сочувствие к твоей проблеме и уговори помочь Елену Прекрасную, секретаря Хазарина. В особо тяжелых случаях разрешается даже наизнанку вывернуться.

И если тебе что-то очень-очень-очень надо, как, например, отпуск в самый высокий сезон продаж, то бишь в середине декабря, и ты сможешь объяснить верной секретарше, почему именно у тебя возникла такая жизненная необходимость, то, возможно... Только лишь возможно! Она и снизойдет до помощи.

Ибо при всей своей красоте и царственной стати, нашедших отображение в прилипшем к ней намертво прозвище, Елена Дмитриевна женщиной была умнейшей, просматривала, выверяла и «фильтровала» всю поступавшую на подпись начальнику документацию. И тот, точно зная, что через эту «преграду» не проскользнет ни один левый документ, частенько подмахивал большую часть бумаг, предоставленных Прекрасной на подпись, не глядя.

К Агате Елена Дмитриевна относилась с теплотой и где-то даже по-отечески и выделяла среди остальной офисной братии, уж бог ведает почему. Что неизбежно и закономерно вызывало ревностные подозрения и вопросы в коллективе, всегда чутко улавливавшем любые выделения его членов из общей массы. Агате и самой было бы интересно узнать, чем это она заслужила столь теплое отношение, но спрашивать у Прекрасной она не рисковала. Мало ли на какой ответ нарвешься.

И обратилась с просьбой о помощи к Елене Дмитриевне первый раз за все годы своей работы в конторе. Та помогла, ну и снизошла, конечно, когда Агата объяснила ситуацию, осторожненько подсовывая свое заявление. А получив заветную заветную бумажку, понеслась оформлять все в кадрах, пока Хазарину не доложил кто из тех же кадров или бухгалтерии и тот не спохватился и не передумал.

Нет, он, разумеется, спохватился и еще как передумал! Но только когда был уже поставлен перед фактом, что Агата

уходит в отпуск, причем вот прямо сейчас, буквально через пару часов.

– Ты понимаешь, что это откровенный саботаж и наплевать на интересы фирмы! – гремел начальник, набирая обороты своего гнева.

Как говорит коллега Агаты в случаях, когда начальник бешется: «У него аж очки раскалились и вспотели от ярости». Так-то Александр Романович начальник строгий, но справедливый, однако бывает, что и разъяриться может, и орать от всей своей широты душевной. Редко, но случается. Если доведут. Агата вот, видимо, довела, и всерьез.

– Свинтить куда-то отдыхать, когда мы тут зашиваемся в высокий сезон, когда специалистов не хватает и все работают аврально до потери памяти!

– Да я постоянно до потери памяти и аврально! – возмутилась в ответ Агата, напомнив ему, как говорят в Одессе, «за свои права». – Кто у нас в передовых? – спросила она, заводясь негодованием, и сама же ответила: – Соболевская! Все выходные-проходные, кого заменить: ну пожалуйста, Агата, очень надо, некому больше! И Соболевская подменяет. Задержаться, поработать с поставщиками – снова Соболевская. У меня сверхурочных переработок на полноценный отпуск накопилось! – проняло ее как-то очень уж всерьез, прямо донельзя. – В прошлом году что было с моим отпуском? – спросила, театрально-наигранно разведя ладошки в стороны и склонив головку набок, в позе ожидания разъяснений.

Словесного ответа не дождалась, лишь недовольно скривившегося, словно схарчившего кислую лимон, выражения начальственного лица.

– А я напомню, – все так же театрально «порадовалась» она выпавшей возможности. – Отгуляла только половину, потому что: «Потом, Агата, будет тебе отпуск и отгулы, все будет, а прямо вот сейчас срочно надо поработать, у нас сплошная запарка», – процитировала она.

– Вот именно! – восторженно Хазарин, как любое начальство не переносивший, когда подчиненные поддавливали его на ошибках и невыполненных обещаниях. И врубил недовольство новой волной: – Потом отгуляешь, Агата. А то, что у нас сейчас самая запарка и самые продажи, ты и так знаешь.

– А мне сейчас надо, Александр Романович, – произнесла спокойно-ровно Агата, как-то в момент остыв. – Потом, конечно, тоже, как и положено по трудовому законодательству. Все, что по нему положено. Но отпуск мне нужен сейчас.

Он посмотрел на нее продолжительным тяжелым, буравящим взглядом, посопел в крайней степени недовольства и предупредил:

– Уволю к чертовой матери.

– Увольняйте, – легко согласилась Агата.

Очень хотелось добавить: «Да и хрен бы с вами», но она сдержалась. Развернулась и вышла из кабинета, медленно-аккуратно закрыв за собой дверь.

– Ну, что? – поинтересовалась у нее Прекрасная, оторвавшись от документа, который изучала.

– Гневались, бумазейкой трясти изволили, ликом краснели, глаза пучили, кричали. Обещались уволить, – отрапортовала Агата.

– Остынет, – уверила секретарь, махнув рукой.

«А в принципе, – подумалось Агате, которой отчего-то вдруг сделалось легко и бесшабашно, – действительно: ну уволит – и хрен бы с ними. Не пропаду ведь».

– А не остынет, да и ладно, – смело заявила она веселым тоном и тоже махнула рукой.

Елена Дмитриевна не ответила, посмотрела на нее странным, изучающе-вопросительным взглядом, чуть приподняв одну царственную бровку.

Но Агате было уже не до трактовок взглядов Прекрасной, даже особенных. Торопливо попрощавшись, она выскочила из приемной.

Она почувствовала, наконец, себя свободной! И это было прекрасное ощущение, просто замечательное! Прямо как-то вот хорошо!

Вообще-то она пришла на работу только для того, чтобы получить полагавшиеся ей отпускные, отдать сделанный ночью перевод Ларисе Лагиной, взявшей на себя поставщиков Агаты по распоряжению руководства и, ясное дело, сильно недовольной этим обстоятельством. Ну и «проставиться», как полагается по офисным законам, за отпуск коллективу

– принести закусить-выпить и тортик в дополнение, особо выделив вниманием ту же самую Лагину, презентовав ей бутылку дорогущего шампанского на Новый год.

Ну а как? Всем известно, что поддерживать легкие нейтрально-дружеские, условно-доброжелательные отношения с коллегами жизненно необходимо, иначе в офисном террариуме не выживешь – устроят тебе медленное аутодафе, останки размажут по экологически безопасной отделке стен их новенького офиса и с удовольствием спляшут на обгоревших костях.

Все по законам бытия в рамках тесных, «душевно» сплоченных отношений офисного планктона.

Агате, как она и рассчитывала, честной и щедрой «проставой» удалось слегка притушить градус зреющего недовольства и черной зависти коллег, раздражившихся по поводу «предательницы», сумевшей каким-то чудесным образом вырваться на свободу во время самого нервного и тяжелого периода новогодних продаж.

Понятное дело, что ее отпуск станет в их отделе самой обсуждаемой темой на несколько дней и не успеет за Агатой захлопнуться дверь, как любимые коллеги начнут хейтерить отступницу с особым эстетическим удовольствием, строя версии ее «побега» одна другой экзотичней. И будет эта тема муссироваться и перетираться ровно до того момента, пока кто-то знатно не накосячит, выступив на корпоративной новогодней тусе, став новым предметом горячего об-

суждения сослуживцев и потеснив в первенстве главных новостей раздражающий факт внезапного отпуска Агаты.

Ни разу не сомневаясь, что именно так все и произойдет, Агата напустила туману о жизненной необходимости срочного отъезда, пообещала особо злобно завидовавшей и негодующей коллеге нечто мутное из серии никогда не исполняемых зарок: «Ага, подменю обязательно, как только вернусь, и работу твою сделаю, а как же!», – торопливо попрощалась и выскочила из офиса.

С чувством облегчения и приятной, заслуженной свободы она махнула охраннику, сбегала по лестнице запасного хода, подналегла, открывая тяжелую дверь на тугом возвратном механизме. Дверь недовольно громыкнула за спиной, неохотно выпустив выскочившую стремительной пулькой в морозную серость московских сумерек Агату.

Здесь, в стиснутом домами пространстве узеньких улочек, оплетавших паутиной центр Москвы, вечерняя темнота казалась еще гуще и плотнее, чем ей полагалось быть в это время суток. Не ожидавшая столь резкого перехода от ярко освещенной лестницы офиса к унылой промозглости сумерек (отпускавших городу всего пару-тройку светлых часиков и ревниво-недовольно возвращавших в свою размыто-серую темень сразу же после обеда) Агата в первый момент даже испугалась, что напутала что-то со временем и теперь катастрофически опаздывает. Выхватила телефон из сумочки, посмотрела на время и успокоилась: нет, все в порядке, все

по плану и расписанию – просто темно, холодно и зыбко.

Брр. И снег вон снова начался. Такой же серый, как и полутьма, через которую он летел.

Стоит поспешить, надо успеть сделать еще массу всякого важного перед отъездом. И, кинув сотовый обратно в сумочку, натянув теплые перчатки, она заторопилась уйти отсюда поскорей.

Но неприятности, которым дал отмашку недовольный начальственный рык, грозивший уволить Агашу к чьей-то нехорошей маме, как выяснилось позже, только начались. Не успела она завернуть за угол, как наткнулась на Олега Каро, от неожиданности уставившегося на нее растерянно-виноватым взглядом застуканного за нехорошим делом подростка. Ну то, что растерянным, понятно – уж где-где, а именно тут, да еще и в это время встретиться с Агатой он никак не мог ожидать. В этом замкнутом небольшом квадрате двора, куда стекали «черные» выходы трех соседних зданий, стоявших неправильным треугольником и притиснутых друг к другу, у глухой стены одного из них офисные работники устроили стихийную летнюю курилку.

Зимой-то все курили в специальных, сооруженных под это запрещенное в общественных местах дело, курительных комнатах, в тепле. А летом – другое дело – всем было жарко, лениво, хотелось отдыхать и пить холодное пиво где-нибудь у реки, а работать не хотелось совершенно. И поход на перекур на улице превращался в короткое приключение с бо-

лее продолжительным отвлечением от служебных обязанностей: пока-а-а пройдешь весь коридор, пока-а-а спустишься по лестнице, пока-а-а поговоришь с такими же курильщиками, а потом неторопливо вернешься за стол-компьютер. Так раз пять «прогуляешься», глядишь, и день быстрее пройдет.

Но зимой сюда никто не ходил. Потому что не очень-то и в кайф, да и целая история получается: сначала оденься, все-таки подмораживает, а то и снег сыплет без остановки, потом пройди мимо охранника, сидящего у выхода на лестницу и неодобрительно поглядывающего на каждого курильщика, выходящего на улицу, потом стой на морозе и торопливо затягивайся, чтобы поскорей закончить сигарету, пока не задубел окончательно. А дальше надо вернуться, опять-таки пройти мимо охранника, сверлящего тебя взглядом — мало ли где ты там шлялся и с кем общался, ну вот так он смотрел на каждого, добавляя себе значимости, словно банк какой охранял, а не офис продаж. Ну вот, миновать самоутверждающегося охранника, потом раздеться-согреться. Да ну его — сплошная канитель и никакого удовольствия.

Самим запасным выходом пользовались редко, потому как выходил он в колодец двора, а из него на улицу, ведущую к дальней станции радиальной ветки метро. Из центрального же выхода было куда как удобней: до метро раза в два ближе, и к кольцевой станции, да еще и по прямой, а не зигзаги по дворам наворачивая. Но сегодня Агате нужно было именно на радиальную, чтобы проехать три станции и встретиться с

маминой подругой, выказавшей настойчивое желание передать какую-то посылочку-приветик из Москвы.

Так что ошарашенное удивление Олега, на которого, как черт из табакерки, выскочила Агата, было вполне объяснимо и понятно, а вот выражение вины и испуганной растерянности на его лице – как-то не очень... А-а-а, сообразила Агаша, когда тот шагнул навстречу и на ходу, чтобы она не заметила, как бы невзначай отбросил коротким, быстрым движением недокуренную сигарету, полыхнувшую огоньком, падая на асфальт. Понятно, где «партия пошла ошибочным курсом».

Недели три назад Олег поспорил с Максимом Федоровым, менеджером из его отдела, о том, что человеку с нормальной силой воли бросить курить легко и просто, как нечего делать. Федоров настаивал на своем видении проблемы: мол, ничего и не легко, а тяжело даже очень, иначе все бы давно уж побросали эту дрянь и вели здоровый образ жизни. А Олег, ясное дело, настаивал на своем и предложил забиться на бутылку настоящего Martell, заявив, что докажет свою правоту собственным примером вот прямо сейчас – возьмет и бросит. Макс пари принял, их подтверждающее рукопожатие, как и положено, разбили свидетели, и Олег Каро, достав из кармана початую пачку, облегченную всего на две выкуренные с утра сигареты, широким театральным жестом скомкал ту в руке и выбросил в урну для бумаг.

Как там в нашей кинематографической классике было? Кажется, в старом фильме «Кортик», когда активистка пока-

зывает подросткам, как правильно надо читать пушкинско-го «Пророка»: «И вырвал грешный мой язык!» – и, с большим чувством произнеся фразу, весьма натурально, с наложенным закадровым хрустом, изображает процесс выдиранья и вышвыривания виноватого своего языка. Вот где-то так же масштабно, с тем же чувством произвел Олежек Каро сей перфоманс, прямо утвердивший его как человека слова, обладающего ого-го-го какой силой воли. Как говорят девицы-инстаграмщицы: «Ты такой невероятно очень сильно мо-о-ощный чел».

– Зачем добром-то раскидываться? – спросила с досадой Светка Шигаль, глядя на безнадежно помятую пачку сигарет в урне. – Можно было менее волевым товарищам отдать.

– Не, Светик, – хохотнул довольный Макс, уже мысленно представляя, как бутылка дорогущего Martell украшает его праздничный новогодний стол. – Ты не врубаешься: при столь мощной заявке требуется сакральная жертва.

– Ну и пожертвовал бы в пользу друзей. У меня всего две сигареты осталось, а день только начался, – проворчала неодобрительно Шигаль.

Она-то и описала чуть позже во всех подробностях и деталях сцену «Великого пари» Агате и, понятное дело, всем остальным заинтересованным слушателям, специально прибежав в их отдел, не дождавшись перерыва на обед, чтобы поделиться горячей сплетней.

«Сильно мощный» Олег с экзотической фамилией Каро

рассекал по офису с гордо поднятой головой волевого мачистого крутыша, снисходительно поглядывая на курильщиков и Макса Федорова. А сам, получается, шифруясь ото всех, тайком бегал на улицу перекурить, где и был случайно застукан Агатой, которая заметила и верно трактовала все его конспиративные манипуляции. А он, как принято говорить в таких случаях, понял, что она поняла, разозлился и спросил раздраженно, с неприкрытым наездом, руководствуясь, видимо, нетленной заповедью про лучшую защиту в виде нападения:

– Ты что тут делаешь? Ты куда это вообще собралась, когда рабочий день в разгаре?

Причем спросил весьма недовольным и где-то даже надменно-отчитывающим тоном.

Агата вздохнула поглубже, удерживая себя от напрашивающегося самого очевидного ответа, и медленно выдохнула.

Всем известно, что коллективы бывают разные. Есть очень крепкие, сплоченные, где все друг за друга горой и дружат по-настоящему, это редко встречается и, как правило, в небольших составах единомышленников. Есть откровенные гадючники, где сплошная конкурентная борьба за место под солнцем объединяет членов лишь в дружбе против кого-то. Тоже встречается чаще в небольших коллективах.

Но в большинстве крупных менеджерских сообществ торговых фирм отношения приблизительно везде одинаковы – конкурентные, но без беспредела и жестких подстав, в об-

щем-то дружественные, а наиболее близкие складываются внутри небольших групп, на которые неизбежно разбивается большой коллектив. Но что связывает все менеджерские коллективы, так это существование непрописанных, но четко исполняемых правил и законов, регулирующих взаимоотношения в коллективе. И вот по одному из них за подобный вопрос, заданный коллеге, куда-то тихо-тайно сваливающему в рабочее время, можно было отхватить далекий словесный посыл с последующим жестким групповым ostracismом, когда об этом его откровенном косяке узнают все остальные.

А потому что слинять с работы и не подставиться при этом начальству – дело практически святое, разумеется, если твой фронт работ не перекладывается на кого-то другого. И помогать-прикрывать товарища в этом занятии тоже действие святое – ведь завтра и тебе может понадобится куда-нибудь срочно свинтить, ну мало ли, жизнь – она еще та веселуха. Так что «товарища выручай» четко работает, но без излишнего усердия в виде «сам пропадай». К тому же – не твое собачье дело, куда и кто собрался, можешь прикрыть – прикрой, не можешь – молчи в тряпочку и делай вид, что человек «где-то здесь, но в туалет вышел».

Это, разумеется, был конкретный косяк менеджера Каро Олега, но не только в нарушении правила дело. Задавать подобные вопросы коллеге из другого отдела, да еще и занимающему гораздо более высокую должность, чем ты, к тому же обличающим тоном из разряда «Ты гулять собралась, когда

мы все тут горим на работе?», с подтекстом «А вот я сейчас доложу» – это жесткий моветон. Просто полный треш. Так накосячить – это надо постараться.

Был бы он просто коллегой, Агата бы не преминула приложить от души «теплым словом». Но дело в том, что полтора месяца назад Олег Каро перестал быть для нее просто менеджером из другого отдела, поменяв статус на близкого друга. До полноценного бойфренда Каро пока не дотягивал, и, понятное дело, «така любовь» их обоих внезапно не накрыла – так, на уровне необременительных ухаживаний с сексом по выходным на ее территории. Пока только в этих рамках, с неясной перспективой. Вроде как присматриваются друг к другу. Но на право задавать ей столь прямые вопросы Олежек все же пока статусом не тянул.

И понимал это. Как и то, насколько сильно он сейчас облажался.

– Я же в отпуске с сегодняшнего дня, – напомнила Агата, по большому счету снизойдя до прощения и ответа.

– Да? – искренне удивился Каро.

– Да, – подтвердила она, в свою очередь удивившись его забывчивости. – Я тебе говорила.

– И зачем ты тогда в контору приходила?

– Получить отпускные, передать дела Лагиной, – пожала плечами Агата.

– А-а-а, – протянул Олег, не зная, как выпутываться из ситуации, и спросил, без особого интереса: – И куда сейчас?

– Как куда? – еще больше подивилась Агата. – Собираться. У меня же самолет ночью.

– Какой самолет? – встрепнулся вдруг заинтересованностью Олежек.

– Как какой? – не поняла, почему он спрашивает, Агата. – В Крым. Я же тебе говорила.

– Когда это ты говорила? – ухватился тот за возможность перевести тему и покосился в сторону выброшенной, уже потухшей сигареты, явно сожалея, что поторопился с конспирацией.

– В воскресенье, когда ты у меня был. И позавчера, когда купила билет, – напомнила ему Агата.

– Я не могу все помнить, – моментально возмутился Олег, повышая голос, – у меня полный завал на работе, запарка страшная, сидим все до ночи, ты же прекрасно знаешь, какое сейчас время! – И, видимо, только сейчас сообразив в полной мере, что именно она ему сказала, прибавил градуса раздраженности: – И что значит, ты улетаешь? На сколько?

– На месяц, до середины января, со всеми январскими праздничными днями. И об этом я тебе говорила, – снова напомнила ему Агата.

– Но мы же собирались встретить Новый год вместе! – как-то напористо вознегодовал Каро.

– Мы же это обсуждали, Олег, я предложила тебе прилететь ко мне, ты сказал, что подумаешь, – успокаивающе-миролюбиво напомнила ему Агата.

По выражению лица Олега она видела, считывала, что он прекрасно помнил и тот их разговор, и про ее отпуск помнил, про билет на самолет и ее предложение прилететь к ней в Крым. Помнил, но вредничал и отчитывал, воспитывал, потому что она застала его за куревом и теперь знает, что не очень-то он и «сильно мощный», а обычный, дающий слабинку парень, а он бахвалился, рисовался перед ней при каждом свидании в режиме «мужик сказал – мужик сделал»: видишь, мол, держусь, не курю, и посмеивался над Федоровым, которому придется выкатить ему крутую коньячину, а она его вот застукала.

И догадался, увидел по выражению ее лица, что она прекрасно понимает все его резоны и выступления, и от этого, что называется, закусился еще того пуще, принявшись вдруг уже совершенно откровенно отчитывать Агату обвинительным тоном:

– Нас пригласила моя мама, она ждет, готовится, старается, и тебе об этом прекрасно известно. Она хочет с тобой познакомиться, и я заверил ее, что мы будем. А ты заявляешь, что улетаешь на месяц. Вообще-то это открытое проявление пренебрежения к ней, да и ко мне. Ты же знаешь, как это важно для меня, да и для мамы, – распалялся он по ходу своего выступления, все более и более накручивая себя.

– Олег, – перебила его Агата и начала объяснять: – Я предупредила тебя, что Новый год всегда встречаю и праздную со своими близкими. Поэтому и не приняла приглашения

твоей мамы, если ты помнишь. Не понимаю, зачем ты ее заверил, что мы придем, я не могу ничего изменить... — Но, не закончив фразу, вдруг остановилась, поймав себя на мысли и неприятном ощущении, что почему-то оправдывается.

И рассмеялась. В своей обычной манере: легко, негромко, словно скидывая, освобождаясь от возникшего напряжения и негатива.

— Ладно, Олежек, — остановила она явно собравшегося что-то возразить Каро, — мне пора. А ты иди, у тебя там, кажется, полный завал, аврал и самосожжение на работе. — И попрощалась: — Все, пока.

— Подожди, Агаш! Я не то хотел сказать, — попытался остановить ее Олег примирительно-извинительным тоном, сообщив, насколько неосмотрительно поспешил с выступлениями и отчитываниями, не в тех они пока отношениях. Не в тех. — Мы не договорили.

И попытался ухватить ее за локоток, но Агата ловко уклонилась от его руки, не дав себя удержать.

— Я договорила, — ответила она, усмехнувшись, и добавила уже на ходу, шагая к арке выхода из двора: — А ты можешь упражняться в искусстве риторики и без меня. Все, пока. С наступающим.

И, не поворачиваясь, подняла руку и помахала прощальным жестом.

— Твою ж мать... — ругнулся в сердцах Каро, провожая взглядом точеную фигуру быстро удаляющейся девушки.

Как же он лоханулся, идиот! Растерялся, видимо, от неожиданности, обозлился, что она его застучала за курением, вот и понесло его.

Терять отношения с Агатой, которой он так старательно добивался, терпеливо, осторожно и продуманно подводя ее к ним, Каро не хотел категорически. А они пока не вышли на ту стадию, на которой можно позволить себе отчитывать и упрекать девушку в чем бы то ни было и на что-то указывать – пока у них все только-только в самом зыбком начале, период осторожного приглядывания друг к другу, узнавания, сплошное ухаживание в розовых тонах. Правильней сказать: у нее узнавание и приглядывание к нему, для себя же Олег Каро давно все решил и выбрал Агату Соболевскую объектом своих серьезных интересов, и все шло и развивалось хорошо, по плану. И надо же так сорваться...

– Ну, блин, твою же мать! – ругнулся он еще раз.

И затосковал – ужасно хотелось закурить, затянуться аж до полсигареты, выдохнуть дым и расслабиться. Но еще две сигареты лежали заныканные между листами прејскуранта в его портфеле, в офисе, и идти за ними, а потом возвращаться сюда, на улицу, не было никакой возможности, пришлось бы что-то придумывать про свою очередную отлучку, оправдываться, изворачиваться...

И какой хрен дернул его забиваться с Федоровым на этот идиотский спор, да еще перед самым Новым годом? Теперь вот приходится прятаться, становясь заправским партиза-

ном, и возвращаться в контору с опаской и осмотрительностью, чтобы никто его не застукал. И надо же было такой хрени случиться, чтобы Агатку принесло именно тогда, когда он так удачно слинял на перекур.

Кстати, осенила Олега неожиданная мысль, а ведь это даже хорошо – если он встретит кого-нибудь, скажет, что ходил провожать свою девушку. Наверняка уже всем в конторе известно, что Соболевская умотала в отпуск. Интересно, как ей это удалось? Громыч, как они звали между собой начальника, ни за что бы не отпустил, только через чей-то труп.

Придется теперь как-то задабривать Агату, убалтывать, расстараться, восстанавливая отношения, понятно же, что она его сейчас откровенно послала вместе со строящей грандиозные планы на новогоднее застолье мамой. Нет-нет, расставаться с Соболевской нельзя, он еще поборется, так просто уйти ей не даст. Вот уж нет. «Может, таки полететь к ней в Крым, как она и предлагала? – рассуждал он, поднимаясь по лестнице служебного хода. – А что, неплохая мысль».

Какое-то время он всерьез обдумывал эту мысль, гоняя и крутя ее в голове так и эдак, но, вернувшись на рабочее место за свой стол и набирая номер телефона постоянного клиента, от этой идеи отказался: «Не-а, дорого, сука, по деньгам такая поездочка обойдется – билеты туда-обратно, да там праздничные гулянья – нет». Ладно, он придумает, как Агату окутить и чем примирить и без этой поездки.

А ничего не подозревающая о грандиозных планах, вына-

шиваемых господином Каро на ее счет, Агата почти бежала, торопясь к метро. Она серьезно опаздывала, выбиваясь из графика, который сама себе составила на сегодняшний день, и старалась четко придерживаться его пунктов, но теперь приходилось бегать – и все из-за никому не нужного разговора с Олегом.

Мало, что ненужного, так еще и... ну не рокового – нет, не тот у них масштаб и уровень отношений, чтобы драмы сердечные разводить, но скажем так – все для нее определившего разговора. За те полтора месяца, что они сошлись, вступив в интимно-романтические отношения, Агата внимательно присматривалась к молодому человеку, прислушиваясь к своим ощущениям и чувствам, и пока так и не смогла окончательно решить: продолжать и развивать дальше эту связь или лучше ну его на фиг – не греет, не интересно. Но после столь откровенного наезда и непонятных претензий, высказанных отчитывающим недовольным тоном, определилась наверняка: нет, все-таки на фиг с пляжа! И повторила про себя: «На фиг, на фиг», – не испытыв при этом никакой печали, лишь легкое, необременительное сожаление. Ну не получилось, что ж теперь. Может, и хорошо, что не получилось.

Снег валил все гуще и гуще, в метро оказалась куча народа, так что пришлось ехать стиснутой со всех сторон, как сардинка в банке, благо, что недалеко, всего три остановки. Агата выскочила на перрон станции, суетливо заозиравшись по

сторонам, но тети Веры, с которой они договорились встретиться в центре зала, нигде не увидела и разнервничалась совсем уж всерьез.

Выхватила телефон из сумки, набрала нужный номер.

– Бегу, Агаточка! – отозвалась на первый же гудок явно тяжело запыхавшаяся Вера Владимировна и пояснила свое опоздание: – Из-за снега движение на проспекте встало намертво, нас из маршрутки высадили за полкилометра от станции. Так что я бегу... – И спросила: – Дождешься?

Агата кинула взгляд на электронное метрошное табло над черным зевом тоннеля, механически неотвратимо отщелкивавшее оранжевые циферки несущегося времени, быстро прикинула, куда и как она успевает и уже не успевает.

Блин, блин, блин!

Такси не возьмешь, только если испытываешь непреодолимое экзотическое желание посидеть на заднем сиденье машины, наглухо стоящей в пробке. В метро толпы, поезда ходят с задержками... А ей еще надо успеть в два места – в одном забрать заказ-подарок для Аглаи, в другом отдать сделанный перевод, свой «левый» заработок, за который заказчик предпочитал расплачиваться лично и исключительно наличностью. Это в наше-то время – и наличностью! Но у каждого свои лабиринты в голове – хочет человек рассчитываться налом, пусть платит, она возражать не будет, особенно если учитывать тот важный факт, что платит он весьма щедро.

Агата вспомнила, что тетя Вера терпеливо ждет ее ответа,

и крутнула головой, возвращая вильнувшие в сторону мысли в нужное русло. Что мы имеем? Мы имеем еще два места, в которые непременно надо успеть и которые находятся хоть и в центре, и недалеко друг от друга, но на разных ветках подземки. Одно радует в заявке-раскладе «везде успеть» – от метро до дома Агаты семь минут, если бегом. Ну то, что бегом, это понятно, теперь уж никак по-другому – будет она сегодня физкультурницей-бегуньей. Еще собраться, еще... Лучше всего, конечно бы, отложить эту передачку от Веры Владимировны на следующий раз, но мама...

И Глаша... и Юра с Егоркой.

И, протяжно вздохнув под тяжестью аргументов и обстоятельств, Аглая ответила:

– Дождусь, тетя Вер. – И, ухватив интересную юркую мысль, промелькнувшую в голове, предложила: – Давайте я вам навстречу побегу, так быстрее будет.

– Давай, детка, – согласилась извинительным тоном Вера Владимировна, – а то я совсем задохнулась уже.

Ну, что ж, погнали – рванула Агата с высокого старта, решительно ввинчиваясь в толпу, шустрой щучкой лавируя между пассажирами. По-любому действовать и двигаться определенно лучше, чем стоять и ждать.

Понятно, что тетя Вера не могла бегать быстро. Вообще-то бегать она не могла никак: ни быстро, ни медленно, она и ходила-то не так чтобы шустро – лишний вес. Всю свою жизнь, с подросткового возраста, Вера Владимировна

вела беспощадную борьбу с лишними килограммами, героически проигрывая каждое из эпических сражений, в которые перманентно вступала, практически сразу же пасуя перед превосходящей силой противника, выдвинувшего на передовую оружие глобального поражения в виде конфет, шоколада, сладостей и изысканных кондитерских изделий.

Да, поле боя всегда оставалось за врагом-победителем.

И сейчас, выскочив из теплого метрошного нутра и рванув вперед на приличной скорости, Агата размышляла о том, что наверняка тетя Вера решила презентовать им всем на Новый год свое вкуснящее, чудо какое великолепное фирменное печенье, которое пекла по личному и секретному рецепту, и скорее всего еще что-нибудь вкусненькое-превкусненькое в ее исполнении.

И как тут отказаться от такого презента? Святотатство. Их семейный Новый год без кондитерских шедевров Веры Владимировны – не Новый год, а так, считай, рядовое мероприятие на фу-фу. Вот и бежала Агаша сломя голову навстречу великой во всех отношениях кулинарке, крупную фигуру которой уже заприметила впереди.

Разговоры разговаривать было некогда, поэтому торопливо-суетливо обнялись-расцеловались, и тетя Вера вручила приличную картонную коробку с тщательно упакованными в нее печеньями и фруктами в шоколаде, угадала-таки Агата содержимое подарочка. Вера Владимировна ее перекрестила-благословила и напутствовала в дорогу, они поспешно

распрощались, и Агаша рванула обратно к метро.

Ну прямо все одно к одному сегодня, как сговорились обстоятельства и люди усложнять ей жизнь, расстраивалась Агата, спешным порядком собирая небольшой чемоданчик. И время от времени с тревогой поглядывала за окно, где все сыпал и сыпал непрекращающийся снег.

Она терпеть не могла собираться или делать что-либо в суетливой спешке. Агаша предпочитала заниматься чем-либо с толком, с расстановкой и желательно в удовольствие, продумывая детали и не упуская мелочи. А не так – бегом, бегом, тыр-пыр, растопыр, пар из ушей, суета переполошная, то забыли, об этом запомняли – ту-ту, опоздали! Машем рукой вслед, утирая обидные слезы.

Да ладно, рассмеялась она, чего ворчать-то, сама же себе всю эту канитель с нервотрепкой и устроила. Правильно сказала мама по телефону: паспорт взяла, деньги-карточки, косметику взяла – и достаточно. Вообще-то Агата и так берет с собой вещей по самому минимуму: дамская сумочка, ну это святое, небольшой чемоданчик в статусе ручной клади и коробка с печеньками и шоколадными фруктами от тети Веры. Агашиного шмотья дома у мамы полно, на любой выбор и все сезоны, и смысла таскать туда-сюда чемоданы, забитые вещами, никакого нет, действительно можно с одним паспортом и кошельком лететь хоть на месяц, хоть на полгода.

И вообще, что она разнервничалась и напряглась-то так?

Ничего же страшного, тяжелого и трагичного не происходит – ну, опоздает она на самолет, и что? Улетит завтра, делов-то.

И рассмеялась. Легкая и позитивная по натуре, Агата не имела обыкновения и привычки поддаваться негативным эмоциям, впадать в уныние, придавать каким-то простым, бытовым проблемам и делам чрезмерное значение, нагнетая вокруг их решения сосредоточенную серьезность, заранее пугая себя плохим сценарием развития событий.

Нет, на самом деле, что она так переживать взялась-то. Не успеет так не успеет. Да, денег жалковато, но ведь не критично – у нее билет самый дешевый, без багажа.

Слуша-а-ай, а действительно, зацепилась она за продуктивную мысль, задумчиво посмотрев на раскрытое нутро чемоданчика, ожидавшего полного заполнения, мама-то права, чего суетиться-то, а?

Вот что мы имеем?

Мы имеем снег, который идет себе с особым усердием с самого, считай, утра, отчего Москва наглухо стоит на всех направлениях, в подземке толпы людей. А посему предстоит тащиться с чемоданом и объемной, неудобной коробкой сначала в метро, с пересадкой и переходом, потом бежать на аэроэкспресс, а это еще то удовольствие. К тому же, при таком разгуле стихии, существует реальная вероятность, что рейс могут задержать, и застрянет она в том аэропорту. На этом, не радующем перспективой моменте рассуждений Агата снова посмотрела задумчиво в окно – валит снежок,

ох, валит.

Часа два назад она заходила на сайт аэропорта, проверяла объявление о вылете – все штатно, все по расписанию, никто ничего не задерживает и не отменяет.

Вот и ладушки. Но все может измениться в любой момент. Держим эту мысль в голове на всякий случай. И если тот самый «если» случится, то лучше к нему быть готовой. Тогда...

И, решительно выдохнув, она вытряхнула из чемоданчика на кровать все, что успела уже в него натолкать. Застегнула «молнию» и отправилась в гардеробную, менять чемодан на вместительную и удобную дорожную сумку, между прочим, известной фирмы, поэтому еще и стильную-красивую.

Звонок в дверь застал Агату балансирующей на верхней ступеньке стремянки. Стояла с поднятыми руками, ухватившись за сумку на антресоли.

– О не-е-ет, – простонала она обреченно и попросила, у кого там надо просить в случаях, когда требуется Высшее вмешательство: – Только не это.

Почему-то Агаше подумалось, что старший менеджер Олег Каро вполне мог притащиться к ней с решительным намерением замиряться и уговаривать оставаться в рамках прежних романтических отношений.

Замиряться и оставаться не хотелось, поскольку Агата уже все решила для себя, а общаться с ним в данный момент она не имела ни желания, ни возможности, ни времени, точно

зная, что примется он что-то там объяснять, ходить по пятам, пока она носится по квартире, торопливо собираясь, и к моменту, когда она выскочит за дверь, чтобы бежать на метро, окончательно вынесет ей весь мозг и испортит всякое настроение.

– Не-е-ет, – простонала она еще разок, скисая от картины, которую мгновенно нарисовало услужливое, богатое воображение.

И от досады дернула сильнее, чем требовалось, сумку с полки, отчего чуть не слетела кубарем со стремянки, но удержалась, не свалилась все же, хоть и успела трухануть. И рассмеялась над собой такой «ловкой» и от облегчения заодно.

– Вот ведь карусель без коников! – поделилась она впечатлением с пространством их с Глашей любимой детской приговоркой-ругалкой.

Вообще-то в оригинале ругалка эта, в исполнении автора, детсадовского сторожа и по совместительству электрика Семёныча, звучала в более полной, расширенной, так сказать, версии: «Ёптель-канитель, карусель без коников!» – прикрикивал он в разных сложных жизненных обстоятельствах, которых, судя по всему, в его жизни было предостаточно, особенно по утрам, когда он «маялся», как классифицировала такое состояние сторожа детсадовская повариха тетя Зина.

Что такое «ёптель» и какая-то там «канитель», Агата с Глашей не знали, а вот ругательство про карусель без кони-

ков понимали правильно – действительно страшно: карусель – и без лошадок.

Так, куда это ее занесло? Не до воспоминаний вообще-то, если она все же надеется попасть сегодня на самолет. Вообще-то она о бывшем милдруге Олежке. «Бывшем» в данном случае подчеркнуть. И что она задержалась? Ну приперся Каро, да и бог бы с ним – пошлет подальше и дверь вообще не откроет, делов-то пирогов!

– Агаточка, это я, – раздался громкий голос за входной дверью. – На всякий случай предупреждаю, если ты ждешь какого-нибудь иного посетителя.

Агата рассмеялась, привычно поражаясь про себя, как этой удивительной женщине удастся практически безошибочно угадывать, даже порой и предвидеть мысли-переживания, а часто и поступки других людей.

В частности ее, Агатины, мысли-переживания.

– Кого жду? – распахивая дверь перед соседкой Полиной Андреевной, элегантной дамой весьма преклонного возраста, рассмеялась Агата.

– Известно, кого может ждать молодая, привлекательная, незамужняя девушка, – улыбнулась ей гостя, переступая порог и заходя в прихожую. – Мужчину с обязательным наличием папеньки, уверенно занимающего высшую ступень социального статуса, с большой вероятностью наследования после этого родителя. И, разумеется, находящегося в разной степени взаимодействия с конем, желательно белым, как

то: восседая верхом на животном, стоя рядом и держа того под уздцы, предъявляя таким образом наличие обязательного опознавательного атрибута. Или, увы, вовсе без коня. Наихудший вариант – под конем. Но его мы не рассматриваем в принципе.

И улыбнулась в ответ на веселый смех Агаши.

– Извини, детка, ты же знаешь, что от скуки, старости и отсутствия достойных собеседников я бываю излишне болтлива и люблю растечься словесами, – покаялась Полина Андреевна. – Подозревая, что ты в полнейшем цейтноте, я принесла тебе еду. – Она продемонстрировала небольшую кастрюльку, укутанную в кухонное полотенце.

– Спасибо, Полина Андреевна! – поблагодарила Агата. – Только у меня на самом деле уже совсем нет времени!

– Знаю я все про твоё время, – отмахнулась Полина Андреевна, решительно направляясь в кухню, где принялась сноровисто хозяйничать, и успокаивая Агату: – Не волнуйся, девочка, ты везде успеешь.

Достала тарелку с сушилки, открыв нужный ящик, вытаскивала ложку, взяла небольшую поварешку из подставки для столовых приборов, распаковала кастрюльку из полотенца, открыла крышку – и по кухне тут же поплыл бесподобный аромат.

– Ум-м-м. – Агаша сунулась под руку Полине Андреевне, с восхищением нюхая запах, даже глаза прикрыла от удовольствия. – Ваше прекрасное рагу, – констатировала она.

– Да, мое прекрасное рагу, которое ты сейчас съешь, – подтвердила гостя, зачерпывая и накладывая в тарелку щедрую порцию. – Оно не слишком горячее, я специально остудила. – И приказала, выставляя на стол тарелку с рагу: – Ешь!

Спорить Агата не стала, во-первых, потому что это заняло бы гораздо больше времени, чем сам процесс ужина, а во-вторых, потому что устоять перед таким соблазном было решительно невозможно. Овощное рагу, которое готовила ее прекрасная соседка Полина Андреевна, она обожала, поскольку было оно бесподобным. Да и успеет она везде, в самом деле, чего волну лишнюю гнать.

Чинно-правильно и неторопливо принимать пищу, согласно правилам и этикету, не имелось никакой возможности. Только приступив к великолепному рагу, Агаша поняла и ощутила, насколько сильно проголодалась, и торопливо метала ложку за ложкой, как приютская сирота, случайно попавшая на дармовой банкет в барском доме.

– Может, помочь тебе собрать твой чемоданчик? – предложила соседка.

– У-у, – отказалась жующая Агата, покрутив отрицательно головой, торопливо проглотила и пояснила: – Я решила минимизировать багаж. Вон сумку достала, – кивком указала она на лежащую на полу в прихожей сумку и легко рассмеялась. – Чуть не сверглась со стремянки, когда доставала. Засуну в нее коробку с печеньем от Веры Владимировны и пакет со всякой мелочовкой, подарочки для своих, и все.

– Ну тогда тем более успеешь, – махнула с уверенностью ладошкой Полина Андреевна и призвала девушку не отвлекаться от основного занятия: – Ты ешь, ешь. – А сама смотрела на нее с довольной улыбкой. – И не беспокойся, посуду я помою, за порядком прослежу, квартиру закрою и буду приглядывать, как обычно.

– Вы моя спасительница, – с большим чувством вздохнула Агата, лучезарно улыбнувшись соседке.

– Не без этого, – усмехнувшись, согласилась Полина Андреевна и поторопила: – Ладно, ты особой-то меланхолии не предавайся, а то и правда опоздаешь на самолет.

На самолет она не опоздала, но немного понервничать все-таки пришлось. Сумку Агаша собрала минут за десять – косметика, бельишко, любимая домашняя одежда, новая удобная шелковая пижамка, еще кое-какая необходимая мелочовка, небольшие праздничные упаковочки с подарками для родных. Все замечательно и компактно уместилось в сумке вместе коробкой от тети Веры, как и рассчитывала Агата. Но в суете и торопливых сборах она благополучно забыла зарядить телефон, и тот, как и полагается по пресловутому закону подлости, обиженно пропиликав, разрядился в самый неподходящий момент – когда она уже обувалась в прихожей.

Не, ну нормально? Как она про него забыла-то? К тому же именно в этот момент Агата сообразила, что забыла зарегистрироваться на рейс в онлайн. Нет, ну что за карусель без

коников, она же ёптель-канитель, а! Ведь хотела же, думала об этом, напоминала себе, но отвлеклась и забыла!

А все потому, что потащилась сегодня в контору, сокрушалась, досадуя, Агаша. Вот прямо приспичило ей получить именно сегодня отпускные, прекрасно бы обошлась и без них. Ну, пусть и не так уж и прекрасно, но обошлась бы! Одно только расстройство вышло из этой затеи: начальник наорал, пообещав уволить, с Олегом неудачно столкнулась... или удачно? Ладно, не суть, но тоже не сильно приятная история. Теперь вот еще и телефон разрядился.

Так, ладно, одернула она себя и рассмеялась – прямо какая-то комедия положений получается. Ну все, все, пора снова бежать или как минимум быстро идти. Они тепло попрощались с Полиной Андреевной, оставшейся в квартире Агаши, чтобы помыть посуду, перекрыть все, что требовалось перекрывать при длительном отъезде – газ, воду, свет, – и запереть двери на все замки. И, перекинув через голову наискось ремешок сумочки, закинув на сгиб локтя дорожную сумку, Агата поцеловала еще раз, теперь уж совсем на последний последок, любимую соседку и выскочила из квартиры.

Самолет Агаты вылетал чуть позже полуночи. Но в аэропорт, известное дело, требовалось приехать с запасом минимум в час до отправления – в случае Агаты это значило в одиннадцать вечера, что называется, впритык. То есть надо бы успеть на экспресс, отправляющийся в десять ноль-ноль.

Она прикинула в уме весь путь, посчитала еще раз – сколько понадобится времени в метро, сколько на переход и билет-посадку в экспресс – да нормально, вроде везде спокойно успевает, даже с небольшим запасом.

В вагоне метро Агаше удалось встать рядом с местом для зарядки сотовых и даже немного подзарядить свой, но интернет работал плохо и зарегистрироваться на рейс снова не получилось, все время зависал запрос. Да и ладно, отмахнулась она мысленно от этой пустой неудачи, расслабилась и переживать перестала вовсе.

На информационном табло аэропорта строка о нужном Агате рейсе весело голубела среди множества красных цифр-букв, сообщавших менее везучим пассажирам о задержке их рейсов, подбодрив Агашу, что все идет по плану и у нее есть-таки шанс улететь по расписанию.

Вот и ладушки, вот и хорошо, порадовалась она, пристраиваясь в конец небольшой очереди к стойке на регистрацию.

– Не отменяют? – на всякий случай спросила Агата у девушки-регистратора, оформлявшей билет.

– Пока не объявляли, – неопределенно пожала плечами та, возвращая паспорт с билетом внутри, и улыбнулась: – Может, еще и улетите.

Правильно, лучше придерживаться осторожного оптимизма, чем уверенного утверждения. Задержанных рейсов было достаточно, наверное, больше половины, и народу в аэропорту толкалось непривычно много даже здесь, в огром-

ном зале регистрации, где, как правило, пассажиры особо не зависали, предпочитая находиться поближе к стойке вылета. Агата представила себе на минуточку, какое столпотворение сейчас в зоне отлета, и, решив не торопиться проходить контроль, подождать, когда объявят посадку, отправилась в туалетные комнаты.

При такой скученности народа очередь в туалет предсказуемо растянулась аж до лестницы, пришлось постоять, невольно прослушивая тревожные разговоры о погоде и множестве отложенных рейсов. Вернувшись в зал, Агата обратила внимание на какой-то непонятный гул, производимый сливавшимися в одно целое встревоженными людскими голосами.

– Что происходит? – спросила она у поравнявшегося с ней мужчины.

– Все рейсы отложены, – не останавливаясь, на ходу бросил тот.

– Как это все? – подивилась Агата, непонятно кому адресовав свое недоумение.

Не могут же отменить все рейсы сразу? Или могут?

Так, надо бы разузнать. И она направилась к информационному табло – выяснить, что все-таки происходит. Возле огромного экрана с расписанием скопилась целая толпа. Громко переговариваясь и негодуя, люди спрашивали друг у друга о том, о чем никто из пассажиров знать не мог: что это такое? Коллапс? И где – в Москве из-за непрекращающегося

снегопада? Или в аэропортах назначения? И когда возобновят полеты? И кто может дать точную информацию?

Людская масса гудела, колыхалась-перемещалась, расстраивалась, охала-вздыхала, плакала и возмущалась. Агата, пробежав глазами строчки рейсов, нашла среди них свой, как и остальные краснеющий буквами «задержан» – скромненько и ни разу не информативно. На сколько задержан? На час, два, десять, до следующей зимы?

Но тут, издав предшествующий объявлению мелодичный звук, ожило громкое оповещение, и приятный женский голос принялся перечислять номера рейсов и время их задержки. Резко смолкнув и затаив дыхание, толпа, выслушав информацию, издала дружный разочарованно-бессильный возглас, хорошо так сдобренный матком и «горячими» пожеланиями всем авиакомпаниям.

И лишь одна Агата среди всего этого стона-ругани и массового разочарования стояла и смеялась от всей души.

Нет, ну а что? Все, что могло у нее сегодня пойти не так, пошло именно не так, и ожидать легкого полета стремительного лайнера по расписанию было, наверное, недопустимым оптимизмом. И уж если ее рейс задерживается, то не на какие-то жалкие два часа, которых хватит всего лишь, чтобы немного послоняться по аэропортовским магазинчикам и бутикам, может, и прикупить что-нибудь, перекусить неторопливо, попить чаю, зарядить телефон и почитать, – а уж задерживается так задерживается, глобально так, по-взрос-

лому – предварительно пока до шести утра.

Она смеялась, прикрыв глаза ладошкой, не обращая внимания на недоуменные и сердитые взгляды окружающих. А отсмеявшись, достала телефон, прочитала эсэмэску, в которой ей любезно сообщили о задержке рейса, и полезла на сайт авиакомпании в надежде узнать еще хоть какую-нибудь уточняющую информацию.

Уточняющая информация имелась: помимо подтверждения о переносе времени вылета, всех пассажиров обещали оповещать в индивидуальном порядке об изменениях в расписании.

Большое вам спасибо за заботу. Нет, правда – спасибо.

В свете новых обстоятельств Агата осмотрелась вокруг, проясняя обстановку. Народу за то время, что она отстояла в очереди в дамскую комнату, прибыло немало. Совершенно очевидно, что комфортно и удобно пристроиться где-нибудь, чтобы покемарить хоть пару-тройку часиков, не имеется никакой возможности – все «козырные» места давно заняты-забиты самыми шустрыми и сообразительными и теми, чьи рейсы отменили еще несколько часов назад. А сидеть на полу у стеночки ей как-то совсем не улыбалось.

Ну вот совсем не улыбалось.

Вернуться домой? А смысл? И как? Экспресс уже не ходит, метро закрыто. Такси? Снег, пробки – часа полтора, а то и два добираться. Туда полтора, назад столько же, итого три-четыре только в дороге. Нет, не вариант.

Ладно, разберемся. Для начала надо оповестить родных. И Агата позвонила маме, объяснив ситуацию.

– И что ты будешь делать? – разумеется, разволновалась сразу же Анна Григорьевна.

– Да что делать. Поеду в ближайшую гостиницу, – уверенно заявила Агаша, поспешив успокоить родительницу.

– Да будут ли там номера, если все рейсы отменили? – засомневалась мама.

– Будут, конечно, – заверила дочь.

Они поговорили еще недолго, обсудив разные мелочи, здоровье-дела у Аглаи и малыша, и попрощались.

И наивная, не в меру оптимистичная по жизни девочка Агата двинула в ближайшую аэропортовскую гостиницу.

Продуктивная мысль, конечно, кто бы спорил – главное, оригинальная, которая, ясное дело, пришла не только в светлую голову Агаты, а как минимум еще несколькими сотням человек. И что характерно – намного раньше, чем ей.

И этот простой и нерадующий факт она открыла для себя, когда, выскочив из такси, торопливо взбежала по лестнице, прошла через раздвижные стеклянные двери... и замерла, оценив масштаб своего очередного попадалова. Все кресла, диванчики и стулья в холле, да и сам холл были плотно заняты людьми с их вещами: разнокалиберными чемоданами, многочисленными баулами и сумками. Большинство уже спали, кто-то устроился на полу на своих вещах, за неимением свободных посадочных мест, кто-то тихо, с ленцой, пе-

перуговался в дальнем углу, негромко плакал какой-то ребенок...

О-фи-геть! Исход евреев из Египта! Из Египта свалили, а в Земле обетованной места забронировать забыли. М-да, как говорится в том анекдоте: «И когда это мама была не права?»

И что теперь? Растерялась как-то Агата, разглядывая этот «табор».

Что-что, ответила она себе, надо уточнить на ресепшине, может, найдется хоть одно местечко для нее. Может, это вообще не пассажиры задержанных рейсов, а делегация экологов или этнографов, каких-нибудь «зеленых» или еще каких людей ученых – попыталась подбодрить себя Агата вялой иронией. Но шутка как-то не зашла, слабовата, да и устала она уже изрядно.

Старавшаяся доводить любое дело до его логического конца, Агата, тяжело вздохнув, все же направилась к стойке ресепшена, даже не удивившись тому обстоятельству, что возле длинной стойки скопления людей, понятное дело, не наблюдалось, кроме одинокого мужчины, заполнявшего бланк.

– Мест нет, – встретила Агату еще на подходе сообщением администратор, не дожидаясь вопроса.

– Может, раскладушка или диван в служебке?.. – спросила все же Агата.

– Да какая раскладушка? – вяло-измученно возмутилась женщина, вполне себе миловидная, неопределенного воз-

раста, но стильная, ухоженная и явно уставшая. – Вы что, не видите, что творится? – махнула она рукой в сторону холла. – Вон сколько желающих. Раскладушки еще час назад закончились, люди в номера компаниями заселялись. Сибирь и Дальний Восток еще днем откладывать начали на неопределенный срок.

– В аэропорту еще хуже, – вздохнула Агата и спросила, так, на всякий случай: – Ну, может, хоть какой-то вариант? – И, быстро стрельнув взглядом в сторону мужчины (слышит тот их разговор, не слышит?), понизила голос: – Разумеется, с оплатой за номер.

Намекая на соответствующее вознаграждение в размере стоимости гостиничного номера за любой закуток, где можно было бы поспать. И искренне пожаловалась, тяжело вздохнув:

– День ужасный выдался.

– Нет, – поняла ее правильно женщина и посочувствовала и Агате, и себе самой: – Ничего нет, девушка. Ничем не могу помочь.

В этот момент мужчина закончил заполнять анкету и протянул бланк администратору.

– А мужчине, наверное, повезло иметь бронь? – снова тяжело вздохнула, впрочем, без всякой зависти, Агата. Спросила так, в проброс, просто от неожиданно и как-то в один момент навалившейся усталости, мысленно переключаясь на вставший насущный вопрос: что же делать дальше?

– У мужчины есть допуск на резервный фонд, – словно укоряя, с плохо скрываемым раздражением, чуть поджав губы, сообщила администратор похолодевшим в один миг голосом.

Ох, видимо, сильно ее пробрал этот допуск на тот самый фонд, на который, вот к гадалке не ходи, сто пудов у дамы администратора имелись свои виды-интересы, сулившие неплохой гешефт.

– Повезло... – снова не позавидовала, просто констатировала Агата, разворачиваясь, чтобы отойти от стойки.

– У меня двухместный номер, – посмотрев на Агату, сказал зачем-то мужчина.

– Рада за вас, – ответила машинально она, не поняв, для чего он ей это сообщает, похвастаться, что ли?

– Я тоже, – чуть улыбнулся тот и продолжил свою мысль: – Поскольку я один, то могу предложить вам занять свободную кровать.

Агата уставилась на него, как деревенская дурочка на балаганного петрушку: замороженно-недоуменно, даже глазами пораженно хлопнула.

– То есть... – пролепетала она.

– То есть, – растолковал мужчина ей более доходчиво, – если вас не смущает перспектива ночевать с незнакомым мужчиной в одной комнате, я предлагаю вам занять одну из кроватей в доставшемся мне номере.

– Правда, что ли? – все никак не могла поверить Агата

в эдакие чудеса небывалые, а в уставшем мозгу выскочила откуда-то фраза про голубой вертолет, забитый эскимо.

Агата перевела вопрошающий, неверящий взгляд на администратора, та пожала неопределенно плечами, мол, разбейтесь сами, и недовольно поджала губы. Агата снова посмотрела распахнутыми от удивления глазами на незнакомца, внезапно выступившего в роли фея-благотворителя, и спохватилась, перепугавшись, что тот устанет ждать ее ответа на небывалое предложение и передумает:

– Разумеется, я согласна. Ну, конечно же, господи! Спасибо вам огромное! – И пообещала честной пионеркой: – А со своим смущением я договорюсь как-нибудь.

И, поняв, какую ерунду только что спорола, тихонько рассмеялась.

Мужчина коротко усмехнулся и спросил у администратора:

– Оформлять будете?

– Будем, будем! – ответила вместо нее Агата и, покопавшись в сумочке, извлекла паспорт и выложила на стойку, подтвердив серьезность своих намерений: – Обязательно будем, а как же?

Администратор наградила Агату недовольным взглядом, видимо, за согласие разделить номер причислив ее в отряд недругов, оттяпавших резервный фонд, и явно нехотя, но все же положила сверху паспорта бланк анкеты.

– Я заплачу половину стоимости, – на радостном подъеме

оповестила Агата будущего соседа по номеру.

– Перестаньте, – посмотрел он на нее с легким укором, чуть сдвинув брови. – Я уже все оплатил.

– Ну что вы, – горячась, возразила она, – обязательно заплачу. Надо по-честному! – И пояснила, улыбнувшись ему: – Мне так будет спокойней.

– Ну, если спокойней, – пожал тот безразлично плечами.

Агата торопливо, все еще побаиваясь, что мужчина передумает или устанет ее дожидаться и уйдет, заполняла анкету и все поглядывала на него краем глаза. Но тот стоял рядом, облокотившись на стойку, и своим отрешенным равнодушным видом демонстрировал, что спокойно ждет, когда девушка закончит с формальностями.

С оплатой произошла небольшая заминка: администратор уже провела по компьютеру зачисление суммы и заниматься возвратами и переоформлениями отказалась, предложив постояльцам разбираться между собой. Агата достала наличные и протянула мужчине, тот очередной раз отказался, она настаивала и совала купюры, но он отмахнулся.

– Потом отдадите, утром, – принял он окончательное решение.

И произнес это таким тоном, что Агата почувствовала: лучше воздержаться от продолжения спора – это была точка, поставленная им, очерченные границы.

– Я отдам, а вы обязательно возьмете, – все же обрисовала она свою принципиальную позицию по этому вопросу. Не

удержалась.

– Идемте, – устало вздохнув, распорядился мужчина, забирая ключ, который выложила перед ними на стойку администратор.

Они молча, не обменявшись даже короткими междометиями, ехали в лифте, и эта повисшая тишина давила немного на нервы Агаты, порождая неловкость затянувшейся паузы и маятность момента, но, слава богу, лифт в этой современной гостинице был скоростным и быстро доставил их на нужный этаж.

Открыв номер, мужчина галантно пропустил Агату вперед. Благодарно кивнув, она зашла и огляделась.

Вполне себе стильный современный гостиничный номер: большой встроенный шкаф, вешалка и обувная полка в широкой прихожей, просторная ванная комната, совмещенная с туалетом, и даже душевая кабинка. Две застеленные, достаточно широкие кровати, «полуторки», как называла такой размер спального места ее бабушка, вместительные прикроватные тумбочки с лампами на них, телевизионная плазма приличных размеров и узкий консольный шкафчик под ней, на котором стоял круглый поднос с двумя бутылками негазированной воды и двумя стаканами. Сбоку от телевизора пристроился небольшой столик и два стула к нему, а уголок для отдыха, состоявший из двух кресел с высокими спинками, маленького кофейного столика и торшера на длинной скругленной ножке, располагался ближе к окну. Вот и вся

обстановка, если не считать стилизованного под мебель мини-холодильника в прихожей.

По большому счету Агате было уже совершенно не до обстановки – догнавшая окончательно и уже в полной мере, накопившаяся за весь суматошный день усталость навалилась так, что из всех желаний и интересов доминировало только одно: спать. Упасть на эту замечательную полуторку и спать, спать...

– Уступаю вам выбор кровати и приоритетное пользование ванной, – легко улыбнулся мужчина, продолжая проявлять галантные манеры.

– Благодарю, – искренне, сердечно поблагодарила Агата, не удержалась и поблагодарила еще раз: – Спасибо вам огромное за все. Вы меня невероятно выручили. Можно сказать, спасли.

– Да пожалуйста, – даже удивился тот горячности ее благодарной речи и поторопил: – Давайте уже устраиваться на ночлег. День был суматошный.

– Да-да, – заторопилась Агата.

Она выбрала кровать, что стояла ближе к окну, достала из сумки умывальные принадлежности, запасную футболку и домашние штанишки – трикотажные широкие и любимые, которые всегда возила с собой, – и поспешила занять ванную комнату.

Плескалась Агата недолго, почему-то все время неосознанно чутко прислушиваясь к звукам, доносившимся из

комнаты. Отмечая про себя – вот ее сосед по ночлегу прошелся по комнате, остановился, и тишину разбили громкие звуки, раздавшиеся из включенного телевизора, но громкость быстро убавили. Вот он лег на чуть скрипнувшую кровать и, судя по звукам-голосам из телевизора, переключает каналы.

Агата оперативно умылась-переоделась и заспешила, даже крем наносить не стала – пусть с ним, не настолько уж он актуален, что прямо без крема не жить, не быть.

– Ванная свободна, – объявила она, возвращаясь в комнату.

– Отлично, – отозвался мужчина.

Поднялся с кровати, подхватил с тумбочки не какой-то там немудреный полиэтиленовый пакетик с туалетными принадлежностями, а настоящий, серьезный кожаный несессер с логотипом известной фирмы и, прежде чем выйти из комнаты, предложил:

– Если хотите, можете выключить свет и телевизор.

– Спасибо, – поблагодарила Агата.

Свет и телевизор она выключила, как и предложил сосед, оставив горящей только лампу на тумбочке у его кровати, легла в кровать и с каким-то почти благоговейным удовольствием вытянулась под одеялом.

Господи боже, какое блаженство!

Благодарное тело словно растеклось в горизонтали, получив возможность наконец-то отдохнуть и расслабиться. И

от этого долгожданного расслабления навалилась тяжестью слабость, растекаясь по всем мышцам.

Спать хотелось совсем непреодолимо, и Агате казалось, что она погружается в теплую, ласковую полудрему, в которой почему-то слышит, как льется где-то из-под крана вода и еще какие-то непонятные, смазанные звуки. Сознание уплывало, уплывало, отдаляясь от реальности...

И вдруг, внезапным резким рывком, рвануло обратно, безжалостно сбрасывая приятную дремоту, из которой она уже плавно погружалась в крепкий сон. Агата сразу не смогла понять, что ее взбудоражило, а потом услышала, как скрипнула соседская кровать, принимая в себя мужское тело, и щелкнула лампа на тумбочке, погружая комнату во тьму.

А-а-а, сообразила она, на что среагировала. Ну ладно.

И настроилась снова отдаться дремоте, переходящей в сон.

Но сон, сволочь такая предательская, куда-то подевался, прихватив с собой и ласково баюкающую дрему. В голове тут же взбодрились и принялись крутиться, перебивая друг друга, какие-то бестолковые ненужные мысли, сменяющиеся картинками сегодняшнего дня, встреч и событий, обрывки разговоров, размышления о том, когда все-таки откроют небо и она улетит, и...

Агата глубоко вдохнула, медленно выдохнула и перевернулась на бок.

«Спать! – приказала она себе мысленно и повторила, но уже просительным, уговаривающим тоном: – Спать, надо спать, Агаточка».

Услышала, как повернулся на бок сосед, и вдруг – так внезапно, так неожиданно, непонятно откуда взявшимся острым чувствованием осознала-ощутила близкое присутствие этого мужчины на соседней кровати.

Не какого-то любого мужчины, который мог бы оказаться на его месте, – а именно этого.

Это было настолько странно, настолько не в ее характере и психофизике, что Агата тут же решила, что переутомилась и перенервничала за день до такой степени, что ее организм и подсознание выкидывают дурные коленца.

Она лежала, стараясь дышать потише и не шевелиться во все, и ей казалось, что каждый ее обострившийся нерв чувствует и ощущает состояние, в котором пребывает тот человек, его флюиды и дыхание...

Да тьфу ты, ёптель-канитель, карусель без коников! Мысленно обругав себя и перевернувшись на другой бок, Агата тяжело вздохнула.

– С вами все в порядке? – неожиданно спросил мужчина. – Вы что, плохо себя чувствуете?

– Нет, нет, – заторопилась уверить его в обратном Агата, придав бодрости тону. – Все нормально.

– Вы так тяжело вздыхаете, мне показалось, что вам нехорошо, – пояснил он проявление своей неожиданной заботы.

– Просто, знаете... – Агата, словно в подтверждение его слов снова громко вдохнула и тяжело выдохнула. – Так бывает, когда выпадает трудный, суматошный день, переполненный делами, встречами, заботами, нервотрепкой отъезда, и везде надо успеть. И целый день куда-то несешься, торопишься, нервничаешь, а когда наконец останавливаешься и, казалось бы, все: можно отдохнуть, расслабиться и отдыхать, – мысленно продолжаешь суетиться, вспоминать, все ли сделала и правильно ли сделала, и все бежишь, бежишь...

– Да. Знаю, – ответил мужчина, и Агата услышала, как он поменял позу, переворачиваясь то ли со спины на бок, то ли наоборот, ей было не видно, да она и не смотрела. – Бывает такое состояние иногда от сильного переутомления, наверное, с каждым. В таких случаях рекомендуют выпить теплого молока или принять успокоительного, валерьянки, например. Или прибегнуть к традиционному средству, махнув грамм пятьдесят-сто коньяку.

– Давайте угадаю, – предложила Агата, улыбнувшись в темноте. – Вы предпочитаете последнее.

Он выдержал паузу, не сразу ответив, и усмехнулся. Она вот прямо слышала, как он хмыкнул.

– Не угадали. К коньяку я прибегаю в крайне редких случаях, предпочитаю заваривать особый успокоительный травяной сбор. – И предложил: – Мы можем что-нибудь заказать, даже валерьянку принесут, если надо. Я узнавал, здесь круглосуточное обслуживание. Но, думаю, грамм пятьдесят

хорошего коньяка вам помогут.

Агата протянула руку, включила лампу на тумбочке, села в кровати, приподнявшись повыше, опираясь спиной на подушку, и посмотрела в сторону соседа.

– Нет, – отказалась она.

Он последовал ее примеру: включил лампу на тумбочке и сел, спустив ноги на пол, прикрыв бедра краем одеяла.

– Что нет? – уточнил мужчина.

– Нет, не коньяк, – пояснила Агата и улыбнулась. – Бабушка любила повторять: «Вино и водку можно пить с кем угодно, а чай только со своими». – И предложила: – Давайте, что ли, чаю закажем вкусного какого-нибудь и обязательно настоящего, в чайнике.

– Мудро, – согласился с ее бабушкой сосед и напомнил: – Только вряд ли мы с вами подпадаем под категорию «свой».

– Ну условно все-таки подпадаем, вы же меня так выручили, – мягко возразила Агата и вдруг спохватилась от внезапно пришедшей в голову мысли: – Ой! Мы же с вами даже не представились и не знаем, как друг друга зовут.

– Я знаю, вас зовут Агата, – усмехнулся мужчина ее горячности.

– Откуда? – поразились она.

– Я видел, что вы писали в анкете.

Она вспомнила, как заполняла бланк и где он стоял в это время – вот ни разу не у нее за плечом, не на другом конце стойки, конечно, но где-то в метре-полтора от нее. Она не

заметила и даже подумать не могла, что он наблюдает и читает, что она там пишет.

– У вас хорошее зрение, – не сильно-то и похвалила, скорее не сумела скрыть легкого напряжения в тоне Агаша.

– Не жалуюсь, – отозвался сосед и объяснил примирительно: – Не надо пугаться и думать плохое, я не смотрел специально, просто хотел узнать ваше имя, чтобы как-то к вам обращаться, и прочитал первую строчку.

– Ну... – протянула она, не зная, что сказать.

– Меня зовут Игорь, – представился он и вернулся к прежней теме: – Так что, Агата, просто чаю, без ничего? – уточнил ее предпочтения.

– Ну, не знаю, – не смогла сразу вот так, в один момент перескочить с взволновавшей ее темы Агаша. И протянула задумчиво: – Можно с вкусным сыром.

– Если вы отвернетесь, я встану, оденусь и сделаю заказ, – без всякого смущения произнес сосед по номеру.

А вот Агата, торопливо отвернувшись, отчего-то стушевалась, да еще странно так: до легкой неловкости, видимо, испытывая ее за двоих. Но почти сразу же справилась с непонятной и явно неуместно выскочившей эмоцией, дождалась, когда мужчина, с теперь известным ей именем Игорь, поднял трубку внутреннего телефона, и встала из кровати – ей-то одеваться не требовалось: футболочка и штанишки Агаты были вполне себе приличной домашней одеждой.

Пока они ждали заказ, успели поговорить о погоде – ну а

что в первую очередь на полном серьезе обсуждать двум пассажирам, застрявшим в аэропорту по метеоусловиям? В ходе беседы выяснили, что оба летят в Симферополь, но разными рейсами – у Игоря вылет был на пятьдесят минут раньше Агаши. Узнали и дальнейшие маршруты друг друга: из аэропорта Агата едет в Севастополь, а ему по командировочным делам надо будет проехать по нескольким крымским городам.

Необременительный разговор двух совершенно незнакомых людей, волею случая оказавшихся в одном гостиничном номере – что называется, по верхам, без не нужных никому подробностей, лишней информации о себе и тем более без каких-то откровений, – приятная, легкая беседа двух вполне себе интеллигентных людей, а вот этот факт определенно радовал обоих собеседников.

Агата все осторожно, исподволь, чтобы не смутить мужчину излишним любопытством, а еще больше, чтобы не смущаться самой, присматривалась к этому Игорю. Она вдруг осознала, что совершенно не запомнила его внешности и даже не пыталась внимательно рассматривать – все детали, интересы и внимание смазались накопившейся за день усталостью и напряжением, в котором она пребывала, пытаясь найти выход из сложившейся ситуации. А когда поняла, что всё, уже больше не надо никуда бежать, нестись и торопиться, не надо что-то придумывать, а можно остановиться и просто отдыхать, резкое облегчение отвлекло от всяких иных инте-

ресов, кроме желания спать.

И только сейчас она первый раз увидела и по-настоящему рассмотрела своего спасителя.

Выше среднего роста, мелковатая Агаша доставала ему макушкой до плеча, эту-то деталь – разницу в росте – она автоматически отметила про себя еще в лифте, невзирая ни на какую усталость и сонливость. Поджарый, подтянутый такой, вполне себе интересный мужчина, где-то к сорока годам. Вот, пожалуй, и все описание.

Ничего выдающегося и яркого не было в его внешности. По-мужски привлекательный, ну это да, есть такой момент. Определенно обладающий крепким характером и харизмой, судя по волевому подбородку и ироничному, умному и цепкому взгляду ярко-голубых глаз. Но в общем и целом можно сказать: обычный. Не красавец киношный и уж точно не брутал боевитый – нормальный.

Впрочем, не важно, красавец или нет. Мужчина явно не из сферы девичьих интересов Агаты – совсем не ее история. Так получалось, что она общалась в основном с ровесниками или парнями немного постарше, лет на пять, но не более, и ростом пониже этого Игоря – не нравилось Агаше, когда над ней возвышались уж слишком очевидно. В этих возрастных и физических параметрах противоположного пола Агата ощущала себя вполне комфортно, равной, не испытывая дискомфорта от мужского доминирования.

Тайно-шпионское изучение объекта прервал стук в дверь

на удивление быстро появившегося официанта.

– Спят все, – отвечал он на вопрос Агаты о столь удивительно скоростном сервисе, умело-споро накрывая на стол. – Устали люди, напереживались. Сначала многие выпивали-закусывали, особенно вахтовики, стресс снимали, но часа два назад заказы почти прекратили поступать, так, по мелочи, вот как у вас: чаек и легкий перекус. Угомонились.

Официант пожелал им приятного аппетита и вышел из номера.

Игорь ограничиваться скромным выбором не стал, заказав сразу два чайника: один с травяным сбором, второй с чаем ройбуш. А к ним большую сырную тарелку и тарелку с небольшими закусочками-канапе.

– Вам какого? – спросил он, указав на чайники. – Ройбуш, говорят, хорошо успокаивает, но и травяной сбор у них тут неплохой.

– Начну с ройбуша, – решила Агата.

– И я, пожалуй.

Какое-то время они пили чай, угощались сыром, орехами и закусочками, вели немудреную беседу ни о чем – посетовали, что от слишком насыщенного событиями и обстоятельствами дня оба не могут заснуть, обсудили нашумевший российский фильм, только что вышедший в прокат, прошлись по громким новостным событиям. И в какой-то момент...

...он произнес уместную, удачную шутку, Агата рассмеялась своим привычным негромким смехом, чуть запрокинув

голову назад... и неожиданно, каким-то необъяснимо обострившимся в момент восприятием, вдруг почувствовала, как изменилась атмосфера за столом: словно резким переключением режимов трансляции перескочила из расслабленной, легкой, почти домашней – в напряженную, ярко-эмоциональную, эротичную.

Игорь посмотрел на нее острым, заинтересованным таким, настоящим мужским взглядом, и Агату прямо пробрало шибанувшей от него горячей, сексуальной волной. Она чувствовала, как ее буквально накрывает, словно шквалом, эта энергия, вызывая ответную обжигающую реакцию тела, распаляющегося под его взглядом...

Застыв, она смотрела на него обескураженно, немного испуганно, не понимая, откуда что взялось, да еще так внезапно, так неожиданно мощно, поражаясь самой себе.

– Ладно, – оборвал их обмен взглядами Игорь, – надо все-таки хоть немного поспать, Агата. У меня, да и у вас, как я понимаю, завтра ожидается непростой и насыщенный день. Надо отдохнуть.

– Да-да, конечно, – торопливо согласилась Агата, переполюшавшись окончательно от этой непонятной горячей штормовой волны, исходящей от него, и небывалой реакции своего тела, мгновенно отозвавшегося на этот его посыл...

– Тогда по койкам, – закрепил он ее согласие и, легонько хлопнув ладонью по столешнице, резко поднялся со стула.

– Да-да! – подтвердила с горячей готовностью она.

И, спеша поскорей сбежать от возникшей между ними явной неловкости и странности момента, суетливо подскочила одновременно с ним. Но из-за этого ее нервного подскока неожиданно они оказались совсем близко друг к другу.

На какое-то время, растянувшееся замедлившимися секундами, они зависли, застыли в моменте – глаза в глаза. И вдруг, не сговариваясь, на одном дыхании, на одном притяжении, устремились друг к другу: она – качнувшись вперед, он – сделав шаг, на ходу принимая ее в объятия. Обхватил за талию, ладонью второй руки придержал ее голову и, продолжая-завершая движение, накрыл губы Агаты своими губами, соединив их в поцелуе.

До ближайшей кровати было три шага – три шага, которые они не заметили, как не сохранили в памяти, когда успели раздеться, обмениваясь поцелуями и торопливо помогая друг другу снимать одежду.

Каждая его ласка, каждое прикосновение к ее коже, каждый поцелуй были словно яростный, но ласковый ожог – по телу Агаты разливалась волна горячего и сладостного огня, в котором она плавилась и пропадала безвозвратно. И, отвечая на все его ласки, лаская в ответ, рвалась, стремилась куда-то вперед, потеряв всякую способность к осознанности, полностью отдаваясь мощным, потрясающим чувствам и ощущениям...

Они не произносили слов, не шептались, не подгоняли и не останавливали друг друга, но их молчание и его потряса-

ющие, сводящие Агату с ума ласки были громче, ярче, правильной и информативней любых слов, любого горячего шепота и крика. И она неслась, неслась вперед, поддерживаемая и увлекаемая им...

...и взорвалась, выскочив на свою вершину настолько ошеломляющим, великолепным, каким-то неправдоподобным оргазмом, что на какое-то мгновение потеряла себя, растворившись в чувствах, ощущениях и эмоциях...

...отдаваясь полностью, до самой своей сути и яви первому оргазму в своей жизни.

И лишь где-то на периферии сознания отметила, а скорее почувствовала, как на мгновение позже ее достиг своего пика и ее великолепный «проводник».

Все тело Агаты тонко дрожало, вибрируя, как еще долго звенят струны после сыгранного на них великолепного аккорда, – она парила, парила. И, проваливаясь из этого полета в золотистом пространстве в теплое, затягивающее в себя небытие, лишь краем сознания, поверхностно отметила, как, не выпуская ее из объятий, повернулся на бок мужчина, нежно прижимая ее к своему горячему телу...

«Та-да, та-да, та-да...» – выдернул Агату из безвременья глубокого сна резкий неприятный звук.

– Что?... – дезориентированная во времени и пространстве, переполошенно шарахнувшись, спросила она, открывая глаза.

– Все нормально, – ответил кто-то у нее над ухом.

За короткую секундочку Агата успела испугаться и проорать мысленно вопрос «Где я, кто это?!»... а на следующем ударе сердца вспомнить, где она, с кем и почему.

Придерживая девушку за плечи одной рукой, мужчина приподнялся, опираясь на локоть, потянулся через нее, включил лампу на тумбочке и взял продолжавший тринькать телефон.

– Я выставил будильник на полпятого, – пояснил он, отключив звуковую побудку и быстро просматривая сообщения. – Проверить, что с вылетом.

– И что там с вылетом? – невнятно пролепетала Агата сонным голосом.

– Мой выпускают в шесть тридцать пять, прислали эсэм-эску. А твой посмотреть не могу, – ответил он, откладывая на тумбочку обычный мобильный телефон, и объяснил: – У меня здесь нет интернета.

– То есть полеты разрешили?

– Да, если мой рейс выпускают. Твой скорее всего на полчаса позже моего. Надо бы посмотреть сообщение, которое прислали тебе на сотовый.

– Тогда что, надо вставать? – спросила Агата, меньше всего желавшая сейчас вообще шевелиться, а уж вставать и подавно.

– Вставать надо... – Мужчина, продолжая опираться на локоть, навис над Агатой, с легкой улыбкой всматриваясь в выражение ее лица, и закончил фразу: – Но немного позже.

Наклонился и накрыл ее губы своими губами.

Отчего у Агаты со всей определенностью пропала необходимость куда-то вставать и возможность что-то делать, кроме потребности отвечать на его поцелуй, волшебным образом, в один момент вызвавший в ее теле страстный, обжигающий отклик.

И она уже неслась куда-то, постанывая, прижимаясь к горячему телу, порывисто гладила его в ответ, подаваясь вперед, чтобы быть ближе, теснее, чувствуя, как мужские руки и губы вновь творят с ней поразительное волшебство.

Он вдруг отстранился, пропал куда-то, оставив Агату, но она не успела остыть от захватившего ее возбуждения, чтобы начать хоть немного думать-соображать и понять, куда и зачем он делся, как он уже вернулся назад, к ней, и его ласки из нежных, продленных и чувственных превратились в обжигающие, иступленные.

И стало совершенно невозможно уже ждать, терпеть и переносить накал, полностью завладевший Агатой, она тихонько всхлипнула от переизбытка страстного напряжения, и Игорь вошел в нее, откликнувшись на этот ее призыв, соединяя их тела...

И снова, как в первый раз, Агату выбросило куда-то за невидимую грань, где заканчивалась любая способность мыслить, анализировать, а были лишь мощные чувства, эмоции и обжигающие ощущения, сотрясающие все ее тело великолепным оргазмом...

– Все хорошо? – спросил мужчина через какое-то продолжительное – или короткое, бог его знает, – через какое-то время, в котором она потерялась.

И она вдруг почувствовала, как его палец легким прикосновением подхватывает слезинку с ее виска.

Она что, плачет? Или не плачет? Тогда что это?

– Нет. – Агата помолчала, пытаясь совладать с собой и ответить, но так сразу оформить в нечто вразумительное свои чувства не получалось. И она открыла глаза, посмотрела в его близко склоненное над ней лицо, стараясь объяснить: – Не хорошо.

– Что-то не так? – не понял Игорь, заметно встревожившись и чуть сдвинув брови.

– Не хорошо, – повторила Агата охрипшим от пережитых эмоций и чувств голосом, – меня нет, я растворилась. – Она все смотрела ему в глаза, и вторая, не удержавшаяся слезинка сорвалась с уголка глаза и покатилась по ее виску. – Это было так великолепно... потрясающе...

– Да, – помолчав, согласился он, повторив за ней прочувствованным тихим голосом: – Потрясающе...

И, придвинувшись, поцеловал благодарным коротким поцелуем, уже без страсти и накала. Глубоко вздохнув, прижался щекой к ее лбу и повторил:

– Потрясающе великолепно.

Они замерли в этом тонком моменте, когда не нужны больше никакие слова, когда два человека настолько тон-

ко чувствуют, разделяют душевные вибрации и эмоции друг друга, что, кажется, общаются на других уровнях, пусть немного, но все же повыше только физиологического и материального...

И на какой-то краткий момент оба почувствовали вдруг поразительную настроенность друг на друга, удивительное созвучие их настроений и чувств и теплую, спокойную радость.

Игорь протяжно-глубоко вдохнул, резко выдохнул, нехотя обрывая это странное мистическое созвучие, переключаясь на обыденную, плоскую, но насущную реальность.

– А вот теперь точно пора вставать, – с явно читаемым сожалением в голосе произнес он. – И, наверное, даже и поторопиться.

– Да, – согласилась Агата и легко рассмеялась. – Только, если можно, все-таки не бегом. А то я вчера столько набегалась, что себя уже зашибись какой физкультурницей чувствую.

– Тогда ты первая в душ, – приподнявшись над ней, распорядился Игорь и усмехнулся: – И можно не бегом, но поспешая.

«Поспешая» стало основным девизом их сборов. Поскольку они, скажем так, несколько увлеклись занятиями любовью, забыв про время, то душ оба принимали на скоростной перемотке: быстро-быстро, мазнулся мыльцем, сполоснулся и выскочил из кабинки.

Агаша, не особая любительница разрисовывать лицо, в большинстве случаев вполне обходясь своим натуральным видом, про косметику даже не вспомнила, складывая вещички в дорожную сумку, разве что волосы расчесала, собрала в конский хвост, поддув выбившиеся короткие пряди, вот и все сборы – все, готова!

Они успели сдать номер, заказать такси и приехать в аэропорт за сорок минут до вылета рейса Игоря.

– Может, по кофейку? – предложил он, когда прошли через контроль в зону вылета.

– Давай, – согласилась Агата.

Последний раз они обменялись даже не фразами, а словами в номере гостиницы – Игорь спросил:

– Готова?

Агата ответила:

– Да.

И все. Молчали, пока ехали в лифте, сдавали номер и он заказывал такси, а когда сели в машину, каждый взялся за свой телефон, разговаривая с теми, кто их ждет, сообщая время вылета-прилета, уточняя детали – встретят или не встретят. И на регистрации молчали.

И вот взяли кофе и сели за столик, друг напротив друга.

И оказалось, это единственное время и самая последняя возможность сказать какие-то слова, может, что-то пообещать, о чем-то договориться, пусть даже красиво наврать бодрым фальшивым тоном или искренне поблагодарить друг

друга за прекрасный секс – ну хоть что-то, соответствующее моменту, принятое в случаях расставания двух мимолетно знакомых людей, которые провели ночь вместе.

Но они молчали, смотрели друг на друга и молчали.

Оба чувствовали и знали, что ничего больше не будет – не будет встречи в будущем, обмена координатами и номерами телефонов, не будет звонков... Хотя бы одного звонка, пока они все еще находятся под властью пережитых ярких ощущений, эмоций и сильного притяжения друг к другу, – хотя бы для того, чтобы еще раз услышать голос, который непременно вызовет горячую волну воспоминаний, жаром полыхнувшую в теле... Нет, не будет звонка и никакого продолжения тоже не будет.

– Я забыла отдать тебе деньги за номер, – вспомнила Агата и полезла в сумочку за кошельком.

– Агат, – остановил ее Игорь с легким, но отчетливо читаемым нажимом.

– Это неправильно, – возразила она, но копаться в сумочке перестала.

Он ничего не ответил, решив, видимо, что настолько очевидные вещи не стоит даже обсуждать.

Пропели предварительной трелью динамики громкого оповещения, и дежурная объявила начавшуюся посадку на рейс Игоря.

– Иди, – сказала Агата, чтобы не продлевать этот их молчаливый диалог.

– Да, – согласился он.

Двумя глотками допил кофе, поставил чашку на блюдце и поднялся со стула. И вдруг шагнул к ней, подхватил с места, прижал к себе, и они замерли в прощальных, благодарных объятиях, наполненных смыслом и искренностью чувств, на какой-то короткий момент, растянувшийся для них во времени.

– Береги себя, – сказал он, чуть отстранившись, но не выпуская ее из рук.

– Да, – пообещала Агата, и предательские слезы рванули к глазам.

Он наклонился, поцеловал ее коротко в губы, снова отстранился и попросил:

– И будь обязательно счастлива.

– И ты, – отозвалась Агаша, изо всех сил сдерживая рвущиеся предательские слезы, и повторила: – И ты.

Он поцеловал ее в висок, в лоб с благодарной, прощальной нежностью, отпустил, подхватил свою небольшую дорожную сумку и, не говоря больше ничего, пошел к выходу из кафе.

Не обернулся и не махнул ей рукой, растворившись в толпе.

Агата не очень помнила, как дотянула до того момента, когда заняла свое кресло у иллюминатора в самолете, переполненная эмоциями. Перед ней все стояло лицо Игоря в момент прощания, слышались его слова, и что-то произволь-

но, неконтролируемо сжималось внутри, и приходилось постоянно удерживать слезы.

И как только она заняла свое место в салоне, сразу же воткнула в уши пару пластмассовых «запятых» беспроводных наушников, не собираясь ничего слушать, просто отгораживаясь от всего мира, закрыла глаза и откинула голову на подголовник.

По-хорошему, поспать бы надо хоть немного.

Да какое тут поспать?!

Когда всеми мыслями, чувствами, ощущениями она все еще там, с ним, а тело, немного постанывая от нагрузки, продолжает звенеть и вибрировать каждой клеточкой от пережитых эмоций и невероятных впечатлений. А перед мысленным взором все проносятся выхваченные из памяти кадры-картинки, моменты сумасшедшей близости, вызывая жаркие цунами, обдающие кипятком. Они несутся снизу вверх, ударяя-шибая в голову, заставляя учащаться пульс и дыхание, расплескиваясь румянцем по щекам, закипая горячей влажностью в глазах.

И Агата задыхалась от не отпускающих ее невероятно ярких, острых переживаний, накатывающих теми самыми волнами.

Как это вообще могло случиться?

Ведь все, что произошло между ними, было более чем странно. С самого первого момента встречи она не испытывала к этому мужчине никакого сексуального влечения и ин-

тереса, ну может, может, просто из-за моральной и физической усталости и напряженности, накрывших ее тогда. Вообще-то причина так себе, явно притянута за уши – чтобы женщина, даже находясь в полусознательном состоянии, не обратила внимания, не сделала внутреннюю стойку на мужчину, вызвавшего у нее сексуальное притяжение и интерес, да разве что при смерти, не иначе. Конечно, накопившаяся усталость и необходимость снова мобилизоваться для решения непростой задачи имели место, что, в общем-то, и не суть важно.

Так что, кроме, понятное дело, искренней благодарности на чисто человеческом уровне в адрес этого незнакомца, Агата не испытывала никаких иных эмоций. И он, в свою очередь, со всей очевидностью не выказывал никакой сексуальной заинтересованности в адрес Агаты: не подъезжал с однозначно трактуемыми намерениями, ни намеком, ни взглядом, да вообще никак – абсолютно индифферентно.

И никакой тонкой эротической игры, никаких таких флюидов между ними не проскакивало, не искрило и не возникало, это же всегда безошибочно чувствуется и ощущается на всех уровнях.

Или безошибочно очевидно было только ей? И только она чувствовала ту самую индифферентность? Да? Ну-у-у, может...

Но ведь совершенно определенно разговор, который они вели за чаем, был более чем нейтральным, по сути, пустым –

беседа двух уставших людей, не очень-то интересных, незнакомых друг другу, не друзей, не товарищей – так, ситуативных попутчиков.

И что случилось? Что произошло?

Почему, в какой момент все резко изменилось? Изменилось в нем. Отчего вдруг в мужчине полыхнул такой горячий сексуальный порыв? Что она такого сказала или сделала, что вызвало в нем настолько яркую реакцию, перемену и столь мощные чувства? Да, собственно, это уже не важно, тем более Агата никогда этого узнает.

Поразительно другое – как Агата среагировала, отозвалась на эту полыхнувшую жаром мужскую, призывную сексуальность, всей своей женской сущностью устремляясь к нему. Отвечая неудержимо, теряя голову, как никогда не отвечала на страсть ни одного мужчины в своей жизни.

Ну она и учуди-и-и-ла!

С совершенно незнакомым мужчиной, не зная, кто он, что собой представляет, где живет, чем занимается – вообще ничего про него не зная, кроме имени, – и ухнуть в секс, как в омут с головой.

Вот ее проняло-то, а! «И по-нес-ли Агату по кочкам новые ботинки», – усмехнулась непроизвольно она.

Причем, вспоминая сейчас и прокручивая в голове раз за разом все произошедшее между ними, Агата со всей ясностью понимала и знала, что это не была какая-то там «черная страсть», лишаящая ума и сознания, это вообще не бы-

ла непреодолимая, болезненная животная страсть как таковая – между ними возникла невероятная, потрясающая близость, когда чувства во многом определяют ощущения. Ну, как это объяснить?

Чувства и что-то повыше, повыше, то, что было первично и превалировало в их объятиях и в их соединении, поднимая на какой-то иной уровень, на поразительную высоту, а уже следом за этим «повыше» шла обжигающая сексуальность и страстность. И Агата чувствовала необъяснимое единение с этим мужчиной, душевное и телесное, какое-то внутреннее родство, что ли, – дивное, поразительное, но мимолетное.

Она именно так это чувствовала. Вот такая карусель без коников.

Но она ни о чем не жалела!

Ни секундошки, ни одного мгновения не жалела ни о чем.

Да вы что! Какое жалеть?! Наоборот, мысленно прокручивая раз за разом в голове все, что приключилось с ней ночью, – ту небывалую красоту, мощь и яркое великолепие сотрясающего ее восторга, Агата испытывала искреннюю благодарность Судьбе и этому мужчине за то, что довелось испытать столь потрясающие эмоции, чувства и фантастические ощущения.

Два сказочных оргазма, испытанные ею впервые в жизни, потрясли Агату и изменили навсегда.

Как человека, всю жизнь имевшего только ломоть хлеба, посыпанный сахаром, и считавшего это самым вкусным

десертом, но однажды вдруг попробовавшего... с чем сравнить? Ну с зефиром в шоколаде, например, или, скажем, с крем-брюле, или тортом «Черный лес», ну понятно, да.

Такие «постижения» и открытия реально шибают по сознанию. А такие переживания не просто запоминаются, они навсегда меняют мироощущение личности, меняют наполненность самого человека, особенно когда пережил своеобразный личный инсайт, настолько ярко эмоционально наполненный.

Она изменилась и чувствовала, принимала это сейчас, всеми своими обострившимися рецепторами и перевернувшимся сознанием.

Секс из расчета, секс из жалости, секс ради секса, в том числе и одноразовый с незнакомым человеком, ради получения острых ощущений, – это совершенно не история Агаты, не ее женская сущность и не ее жизнь.

Агата и ее сестра Аглая с младенчества были невероятно самодостаточными девочками, в большой степени потому, что родились двойняшками, к тому же под знаком Блинецов, но самое главное – родились в нормальной и очень любящей семье. В числе близких родственников имелаась и несколько эксцентричная бабушка, мамина мама, дама мудрая, проницательная, иронично-язвительная, придерживающаяся не совсем традиционных методов воспитания внуков, порой объясняя тем житейские истины и тайны весьма оригинальным образом.

Ну, например, Кира Львовна частенько повторяла:

– Женщина должна блюсти себя в чистоте, от этого зависят ее здоровье, красота и продление, сохранение молодости.

И дальше растолковывала двенадцатилетним внукам:

– Никогда не растрачивайтесь на мимолетные страстишки, у женщин от этого душа и красота тускнеют и выгорают. – А видя, что девчонкам непонятно, о чем она им толкует, рубила напрямую: – Не хотите в сорок лет выглядеть как побитые жизнью состарившиеся кокетки, никогда не занимайтесь пустым сексом, просто ради секса, без всяких чувств к партнеру.

В двенадцать лет, прямо скажем, эта нотация все равно была девчонкам мало понятна и еще меньше интересна, и какие там сорок лет – бабуля, ты о чем? Сорок! Это ж старость далекая. Но бабушка у них была продуманная и повторяла свои наставления на тему секса и иных аспектов жизни в разных вариациях, пока девчонки подрастали. К тому же, когда у вас папа с мамой медики и без всяких иносказаний, порой с излишней прямоотой растолковывают детям анатомию и физиологию различных процессов женского организма и жизни, невозможно оставаться блаженно несведущими.

Но у девчонок не случилось, слава богу, подросткового, шалопутного секса из любопытства, или из бунтарства, или «под общие правила», потому что «все уже попробовали, а мы еще нет». И вовсе не потому, что мама с бабушкой доходчиво объяснили им все возможные последствия этого шага

– нет. Просто Агате с Аглаей было глубоко пофиг, что там нынче модно-перемодно в среде их ровесников, что принято – не принято, положено – не положено и кто что уже попробовал. Поймать их «на слабо» было без вариантов, да никто даже и не пытался.

Они были всегда вдвоем, одним целым, одной командой и пубертат проходили с чувством собственной полноценности и гармонии бытия. Ну не имели они претензий к собственной внешности и повода чувствовать и переживать то самое разрушительное подростковое одиночество от непонимания твоих страданий-метаний взрослыми, поскольку и с пониманием, и с единением было у них все в полном порядке, в первую очередь друг с другом, потом с родителями, ну и, конечно, бабушкой, куда ж без нее.

Наверное, поэтому девчонки не торопились пробовать секс, да и, честно говоря, бабушкины нестандартные наставления не прошли-таки даром и отложились где-то на подкорке. Они иронизировали над своим «перезрелым девичеством», но нисколько не тяготились этим обстоятельством и не стремились с ним срочно разделаться только потому, что так принято.

Их вообще мало интересовали и не волновали какие-то правила и негласные законы поведения, укоренившиеся в среде нового поколения, к которому они относились. И эта самодостаточность и самоуважение делали Агату с Аглаей уникальными индивидуальностями, прислушивающимися-

ся прежде всего к своему внутреннему голосу, потом к мнению сестры, родителей и бабушки. И где-то подальше, за рамками этого очерченного круга близких, всего лишь интересуясь мнением других людей.

Особенность их натуры, внутренняя свобода от навязчивости мнения окружающих людей, внешняя привлекательность и врожденная женская манкость делали обеих девочек невероятно востребованными у представителей противоположного пола. У Агаты с Аглаей отбоя не было от поклонников и ухажеров, и вокруг всегда крутилось много парней, ну и немало девушек, изо всех сил старавшихся стать их подругами, понимавших, что для того, чтобы поймать удачу, выделиться и добиться успеха, следует находиться рядом с личностями яркими, имеющими высокую востребованность, и непременно грамотно хайпиться за их счет. Обычный закон людских джунглей.

Да только Агата с Глашей отказывали всем парням, ухаживающим за ними. Потому что: не заводит, не влюбилась, не греет, не интересен, кого-то переводили в статус хороших друзей, а кого-то удаляли из круга даже знакомых.

Как-то так.

Чего только девочкам не пришлось наслушаться и перенести от отвергнутых поклонников! И эмоциональный шантаж в разных вариантах, типа: жить без тебя не могу, самоубьюсь с особой жестокостью, а ты будешь виновата, или я из-за тебя вылетел из универа, и меня теперь в армию загребут, и

ты мне за это должна. Или того пуще: не будешь со мной... далее любые угрозы по тексту, преследования, слежка и тайные фото- и видеосъемки – с лихвой хватало всякой грязи и переживаний, что, понятное дело, лишь отвращало девушек от мужчин.

Но молодость есть молодость, гормоны пока никто не отменял, и шибают они куда ни попадя, и нашлись парни, которые заинтересовали каждую из сестриц всерьез, сумев завоевать их уважение и настоящий интерес, и девчонки повлюблялись одна за другой – сначала Агата на третьем курсе универа в одноклассника, а месяца через четыре после сестры и Аглая.

Влюбиться-то влюбились, и вроде бы все складывалось, как и должно в жизни молодых, симпатичных, очень привлекательных девушек, и обстояло теперь прекрасно, кроме одного момента.

Когда, привыкшие поверять друг другу все тайны и дела, Гаша с Глашей обменялись впечатлениями от случившегося-таки у них секса, то неожиданно выяснили, что ни та ни другая не испытывают особых, ярких эмоций, потрясений и ощущений. Нет, какие-то эмоции место имели, все-таки первая серьезная влюбленность, и горячие поцелуи, и «бабочки» носятся там, где им и следует порхать: в животе. Все это наличествовало. И голову кружило, а как же, весь набор, как и положено, но сам «процесс» – ни тебе фейерверка перед глазами, ни описанных в литературе и просмотренных в

фильмах страстей-мордастей со сносом головы, срыванием одежды и криков-стонов восторга по достижении пика наслаждения. И с пиком тем, прямо скажем, какая-то фигня получается – не достигается он, и все тебе, хоть ты что делай.

Да и с восторгом особым как-то тоже не сильно срослось.

Сестры поделились подробностями интимной стороны своей жизни с главным семейным экспертом по всем житейским вопросам – бабушкой. И Кира Львовна, задумчиво порассматривав их пару минут, переводя взгляд с Агаты на Аглаю и обратно, выдала подививший внучек вердикт:

– Вообще-то, как правило, женщины небольших габаритов и миниатюрные женщины весьма страстны и сексуальны. Но у вас позднее развитие сексуальности. Может, еще и поэтому вы так долго хранили невинность, что не выиграло в вас ретивое, отключая мозги и тормоза. – И вдруг огорошила: – Хотя я учила вас не пуританской сдержанности и излишней нравственности, а объясняла, что вредно вести беспорядочную половую жизнь, прыгая из койки в койку, меняя невнятных партнеров, а не так, чтобы вообще ее не вести. Одно время даже забеспокоилась, что перестаралась с наравоучениями. Но выходит, что это вопрос физиологии, причем наследственной.

– В смысле наследственной? – обменялись удивленными взглядами сестры.

– Со мной так же было, – махнув рукой, призналась Кира Львовна. – До встречи с вашим дедом у меня был бурный

роман. Бурным он был исключительно со стороны мужчины, сходявшего по мне с ума. Мои же чувства к нему были скорее теплыми: он мне нравился, я была в него влюблена, но не более. И в интимной сфере не испытывала особенных чувств и каких-то ярких ощущений, но в то время об этой стороне жизни не принято было говорить и уж тем более обсуждать с кем-то, так что я и не понимала, что что-то со мной не так. Он делал мне предложение, но я отказала, и мы расстались. Но был еще один мужчина, с которым мы как раз поженились.

– Ни фига себе! – поразилась Агата.

– Однако, Кира Львовна, вы полны сюрпризов, – поддержала сестру Аглая. – Почему ты раньше нам не рассказывала?

– Пустое, – отмахнулась бабуля. – К тому же у каждой уважающей себя женщины обязаны быть личные интимные тайны. Так вот, наш брак с тем мужчиной продлился всего полтора года. Он был фронтовиком и умер в госпитале от старых ранений, все-таки убивших его, пусть и через восемь лет после окончания войны. Но сейчас не об этом. Он был весьма темпераментным и умелым любовником, но я так же, как и с первым своим мужчиной, не испытала с ним никаких ярких сексуальных переживаний. А потом встретила вашего деда. И вот с ним-то раскрылась вся страстность моей натуры, и благодаря Григорию я постигла всю прелесть и красоту сексуального удовольствия. – И она неожиданно хихикнула,

отдаваясь воспоминаниям: – И удержу мне потом не было, чему Гриша мой, надо сказать, был несказанно рад. Впрочем, обсуждать такое с внуками – это уж совсем глухой моветон.

– То есть ты считаешь, что мы в тебя уродились? – уточнила Агаша.

– А что, есть какие-то сомнения? – усмехнулась Кира Львовна, намекая на семейную внешнюю схожесть внуков с ней. – Так что не стоит раньше времени приписывать себя к фригидным женщинам. Придет время, и ваша природная страстность раскроется в полной мере, да так, что еще и подивитесь себе самим. Хотя-я-я... – протянула задумчиво бабушка. – Для этого дела нужен особенный мужчина, с которым вы совпадете темпераментом и физиологией. Как мой Гриша, например, для меня, или ваш отец для Анны.

Девчонки снова привычно переглянулись, обменявшись мыслями-впечатлениями без слов.

– Ну, что приуныли? – приободрила бабуля, заметив эти их «переглядки». – По статистике, тридцать процентов женщин вообще никогда в своей жизни не испытывают оргазма. И это весьма приблизительные данные, не учитывающие того, что большая часть женщин, чтобы удержать своих мужчин, имитирует удовольствие во время секса. И ничего, живут себе, детей рожают. А у вас двоих имеется большая вероятность испытать всю красоту интимной близости. – И уверила, махнув рукой: – Не парьтесь, встретите еще своих осо-

бенных мужчин, с которыми все у вас получится.

Кира Львовна любила вернуть какое-нибудь новенькое современное словцо, что-нибудь из молодежного сленга. Она вообще была личностью неординарной, любознательной и постоянно с удовольствием осваивала и изучала что-то новое. Например, достаточно быстро освоила компьютер и лихо управлялась и с интернетом, и с «Одноклассниками».

Впрочем, не о бабушке сейчас, а о том, что она им сказала-поведала. Поскольку каких-то там особенных мужчин на горизонте сестричек не наблюдалось, то жили и дальше со своими парнями и не парились, как советовала мудрая бабушка. И вполне неплохо жили, надо сказать.

Агата, например, со своим Андреем романилась аж целых пять лет – всегда и везде вместе: после универа устроились на работу в одну фирму, правда, Агата довольно быстро оттуда ушла, а Андрей задержался на несколько лет. На праздниках и торжественных датах его и ее семей вдвоем – конечно же, в статусе жениха и невесты, отпуска вместе, поездки вместе. Только вот не съезжались, чтобы жить совсем уж по-семейному, находя весомые оправдания этому обстоятельству: Агаша перебралась жить к бабуле и присматривать за той, что никак не устраивало Андрея, а жить с его родителями, как предлагали те, не устраивало Агату, ну а отдавать офигенные деньги за съемное жилье не хотелось.

Им бы призадуматься, почему их отношения не развиваются, подвиснув в застывшей неопределенности: ни два ни

полтора – вроде как жених с невестой, но свадьбу даже не планируют, вроде как пара, но жить вместе не торопятся, а про детей и разговоров не заводят, как и о перспективе дальнейшей совместной жизни.

При таком раскладе, ясное дело, не могло не случиться судьбоносного «прогрессирующего пендаля», качнувшего этот застой в ту или иную сторону. Он и случился, и даже не качнул, а влупил со всей дури и по всем правилам «пендаля» – всерьез и по голове: Андрей встретил и полюбил другую девушку. Ну, а что, логично.

И когда он честно признался Агате в своих чувствах к другой женщине, слушая его покаянное бление вперемешку с горячими заверениями в ее красоте и прекрасных человеческих качествах, она вдруг с удивлением осознала, что не испытывает практически ничего, кроме одного доминирующего чувства – настоящего такого, весомого, где-то даже светло-радостного. *Об-лег-че-ния.*

Такого... не только душевного, а прямо-таки облегчения на физическом уровне, как бывает иногда, когда наденешь прекрасные, любимые туфли и пробегаешь в них на работе и по делам целый день, и вроде бы удобно: не жмут, не трут, сидят привычно на ноге, ты их даже не замечаешь. А как придешь домой и разуешься, вдруг ощутишь небывалое освобождение, и на твоих натруженных ступнях с болью расправляются пальчики, и испытываешь настоящий кайф от того, что избавилась, наконец, от этих колодок.

Может, не совсем корректное сравнение, но зато очень точное. Вот приблизительно такое освобождение ощущала Агата в момент признания Андрея в любви к другой барышне. Вдруг каким-то прояснившимся сознанием поняла, что давно уже тяготится этими отношениями, которые держались-то по большому счету на природной легкости ее натуры, на умении посмеяться в самый трудный момент, свести к шутке возникшую напряженность, на ее неубиваемом природном оптимизме. И какая красота – боже ты мой! – ощутить себя свободной.

И она рассмеялась тогда – легко, радостно и свободно. И подбодрила оторопевшего от ее неуместного, как ему казалось, веселья бывшего жениха.

– Если с тобой произошла настолько сильная любовь, Андрей, что ж тут поделаешь. Держать не стану. Иди, – придерживав рвущуюся улыбку, с серьезной, чуть скорбно-оскорбленной миной выдала Агата «индულгенцию» своему теперь уж бывшему, не забыв сделать акцент на том, что все же он виноват перед ней.

Ну так, для остротки, чтобы ему не показалось, будто все так легко и безмятежно – сегодня эту люблю, прямо умираю, пять лет ей голову морочу, завтра другую страстно полюбил. Агата все-таки девушка, знающая себе цену. Да и, к слову, как бы женщина ни была равнодушна к мужчине, любившему и долго добивавшемуся ее, но когда тот признается в любви к другой даме, это все же, согласитесь, неприятно, слов-

но у девочки отобрали ведро в песочнице – пусть старенькое, покоцанное и пошарпанное и давно уже осточертевшее и ненужное, но твое же. Да и бабушка Кира Львовна учила: «Если женщина хоть немного не стерва, значит, она больна».

Стервозность с Агашиным легким, веселым характером и врожденным оптимизмом не монтировалась вообще никак, но «немного стервочки» она иногда могла осознанно и подпустить, особенно если кто-то сильно доставал.

Врагами они с Андреем, разумеется, не расстались, но Агата прекрасно понимала, что и дружить у них не получится. Да и бог бы с ним, мысленно благословила и пожелала счастья.

А потом Глаша встретила своего Юру, оказавшегося для нее тем самым «особенным», которого пророчила внучкам бабушка.

И сестра, прикрывая глаза и улыбаясь таинственной и какой-то просветленной, загадочной улыбкой, пыталась объяснить Агате, как невероятно великолепна такая вот близость с мужчиной и что она переживает. Объяснить у нее не особо-то получалось, потому как теперь у Аглаи появились очень личные, чувственные переживания, которые и столь близкому человеку, как сестра-двойняшка, не расскажешь.

Агата не обижалась, понимая этот тонкий момент, еще и потому, что им с сестрой не требовалось объяснять-растолковывать друг другу все словами, они были настолько связаны невидимыми узами, что чувствовали друг друга физиче-

ски и духовно на всех уровнях.

Когда какой-то из сестер было плохо, другая ощущала это даже на расстоянии, порой до физической боли в том же месте, где болело у сестры, а когда с кем-то из них происходило что-то прекрасное, переживались какие-то сильные эмоции, вторая чувствовала всей душой отголоски этих прекрасных эмоций.

Поэтому Агате не требовался пересказ интимных подробностей, она чувствовала, как сестра буквально парит – счастливая, свободная и прекрасная. Вот так, паря и упиваясь любовью, Аглая и вышла замуж за Юрия через три месяца после знакомства. Потом у них родился Егорка, которому сейчас три годика, а месяц назад Глаша родила второго сынишку, Левушку. Вот по этому-то счастливому поводу Агата и рванула в отпуск, готовая даже на увольнение ради такого дела – увидеть новорожденного племянника, побыть рядом с сестрой, которая особенно сейчас в ней нуждается, да и соскучилась Гаша ужасно по всем – по сестре и, разумеется, по маме, по старшему племяннику и зятю.

После расставания с Андреем Агата пережила еще два вполне себе серьезных, но коротких романа. Но, как и в первом случае, обещанная бабулей врожденная сексуальность никак не проявлялась, дрыхла себе преспокойненько, глубоко имея в виду все призывы и ожидания Агаши.

А призывы и ожидания имели место, ну а как же.

Она мечтала пережить подобное тому, что испытывала

сестра, после «Великого Проявления», как они с Глашей в шутку называли пробудившуюся у той сексуальность, ставшую привычной и нормальной для старшенькой, разделявшей с мужем все такой же страстный и желанный секс.

Еще как мечтала...

Но как только Глашка начинала разводить уверенья на тему, что младшенькая обязательно встретит своего мужчину, который разбудит-растревожит ее сексуальность, Агата начинала смеяться еще в начале уверяющей тирады.

– Да-да, особенно если тот «особенный» – это алкаш со слободки? Что тогда? Кто знает, провидение оно такое, со своими треш-приколами. – Она делала скорбное лицо и вздыхала преувеличенно-наигранно с большой печалью: – Да-а-а, не греть мне постель пьяного мужчины при моей-то малой тяге к алкоголю. – И просила у сестры «совета», в совещательном, так сказать, режиме, не выходя из образа: – Может, начать уже побухивать, как думаешь? – И, не выдержав, начинала снова хохотать.

Гораздо более обстоятельная и уравновешенная по натуре Аглая хоть и посмеивалась над шутками сестры, но на правах старшей на полчаса призывала младшую к серьезности, наставляя, что надо больше общаться, знакомиться, а хотя бы и в интернете, встречаться с мужчинами, ходить на свидания, а то у Агаты работа-дом и командировки. Где ж в ее жизни мужчине образоваться, не из числа же коллег-менеджеров их выбирать.

На что неугомонная Агаша, игнорируя нравоучения сестры, продолжала посмеиваться, актерствовать и наигрывать:
– Как хочется любви, страсти и счастья...

Изображая переспелую девицу, грезящую о страстях-мордастях, мечтательно вздыхала и резко переходила на деловитый тон:

– Значит, так: «Да-ра-гой Дед Мороз, пишет тебе...»

Тут уж и Глашка не выдерживала, принимаясь посмеиваться, и вскоре, заводя друг друга, они уже ухохатывались вдвоем до слез, настолько ярко Агаша умела разыграть любую сценку в любом образе и втянуть в игру Аглаю.

Да, смеялись-шутили...

Охо-хо... Кто бы ей напомнил во время всех этих хохотушек, что мечты имеют странную привычку сбываться самым неожиданным образом и именно тогда, когда ты меньше всего ожидаешь их исполнения...

Могла ли предположить Агата, даже в самых фантазмагорических своих видениях и снах, что страстность и природная сексуальность ее натуры раскроются в близости с незнакомым мужчиной в гостиничном номере аэропорта. И не могла она, опираясь на свой довольно скудный чувственный опыт, ожидать настолько яркого взрыва чувств и эмоций, ошеломивших высотой и накалом, в прямом смысле – потрясающих ощущений.

Может, этот Игорь и был тем самым «особенным»... скорее всего и был, да только точно не ее мужчиной, о чем напо-

минало Агате тоненькое обручальное кольцо, поблескивающее на безымянном пальце его правой руки. Да и не в кольце дело – какой бы прекрасной и великолепной ни была их близость, их соединение, Агата знала, чувствовала, что эта их встреча единственная.

Встреча путников, двух пилигримов на перекрестке дорог, щедро поделившихся друг с другом тем прекрасным, что было у каждого, и бредущих дальше каждый своим путем.

Измученные перегрузками и переживаниями тело и сознание решили-таки, что с них, пожалуй, хватит и теперь-то уж точно пора отдохнуть, и эту немного вычурно-литературную и грустную мысль Агата додумывала уже в навалившейся на нее полудреме, затягивавшей в сон.

А перед ее мысленным взором все уходил по проходу, растворяясь среди людского потока, мужчина, раскрывший и подаривший ей саму себя – настоящую, истинную...

Югров уходил от кафе, в котором осталась сидеть за столиком Агата, уходил от нее, не произнеся слов прощания и не оборачиваясь, ощущая спиной взгляд, провожающий его. И еще никогда в жизни ему не хотелось вернуться так сильно, как сейчас.

М-да.

Его ждал насыщенный встречами и делами трудный и длинный день, и по-хорошему надо бы поспать в самолете,

ухватив хоть эту пару часов полета для отдыха, к чему в немалой степени располагал тот факт, что место у Игоря было в бизнес-классе.

Ничего пафосно-крутого, никаких понтов, просто, когда вчера он проходил регистрацию, еще до отмены всех рейсов, служащая авиакомпании, оформлявшая билет, предложила доплатить и получить билет в бизнес-классе, пояснив, что авиакомпания перед вылетом скинула стоимость билетов в практически пустой бизнес-класс в несколько раз.

Он доплатил прямо там, на стойке, и теперь вольготно устроился в удобном кресле у окна, причем один во всем ряду. Кроме него на местах повышенной комфортности летело всего трое пассажиров.

И все время, пока Югров ждал посадки в VIP-зале, пока заходил в самолет, убирал сумку в багажное отделение, усаживался и устраивался в кресле, его мысли были заполнены только Агатой. Он чувствовал ее запах и все еще ощущал шелковистую гладкость ее кожи, слышал ее чудесный смех, звучавший в голове тихим колокольчиком, и тело его само вспоминало все, что чувствовало в тот момент, когда он входил в нее.

И от этих мыслей, видений и невероятно ярких чувственных картин его обдавало жаром и возбуждение горячей волной шибало в голову и в пах, и Югрову оставалось только радоваться тому факту, что он один в целом ряду и его возбуждения никто не видит.

М-м-м-да.

Разумеется, Игорь сразу обратил внимание на эту девушку. Трудно не обратить внимания на кого-то, когда он единственный, кроме тебя, человек, который подошел к гостиничной стойке ресепшена. А если ты нормальный, здоровый, хоть и сильно уставший мужик, а рядом оказывается молодая симпатичная девушка, то вообще без вариантов – не просто внимание обратишь, а и рассмотришь по-мужски, как положено.

Незнакомка мазнула по нему усталым, безразличным взглядом ярко-голубых глаз и завела беседу с администратором. Игорь усмехнулся про себя – ну-ну. Он уже имел «удовольствие» пообщаться с этой дамой, встретившей его поначалу вполне приветливо, в рамках нормального женского интереса и симпатии к мужчине, и даже посочувствовала, что приходится его разочаровывать:

– Мест нет.

Ну то, что свободных мест в аэропортовых комнатах отдыха и близлежащих гостиницах нет по определению, было очевидно Югрову еще до того, как отменили все рейсы. Ему лишь требовалось решить, что предпринять в такой ситуации. Возвращаться в Москву смысла никакого: большая часть времени ушла бы только на дорогу туда-обратно, оставив на отдых не больше часа, – нет, отпадает. Пристроиться где-то в зале? Да ну.

Не то чтобы Югров страдал снобизмом и больной чван-

ливостью, отнюдь — в каких только условиях, вернее в полном отсутствии всяких условий, ему порой не приходилось отдыхать и спать во время своих командировок, и не только их, в жизни всякое бывало. Но если имеется хоть какая-то возможность устроиться с комфортом, почему бы не попробовать ее себе организовать?

Перебрав в голове несколько вариантов, Игорь остановился на мысли о пограничниках и таможенниках аэропорта, показавшейся ему самой приемлемой и возможной из всех. Достав свой простенький на вид, да непростенький по сути кнопочный телефон, он набрал по памяти номер.

Звонок «другу» из Министерства обороны — и вопрос с ночлегом решился самым неожиданным образом. «Какие погранцы, какие таможенники, Югров?» — возмутился министерский «друг» и напомнил, что у Игоря имеется масса всяких льгот и преференций, которыми тот почему-то постоянно забывает пользоваться. И в их число, к слову, входит и поселение в гостиницах.

Да, так вот про поселение.

Дружелюбие гостиничной дамы-администратора мгновенно испарилось, тут же сменившись глухим недовольством и открыто демонстрируемой холодной неприязнью, как только она поняла, что Игорь и есть тот самый товарищ, по поводу которого ей звонило руководство, приказав поселить товарища в номере резервного фонда.

Югров нисколько не удивился столь разительной переме-

не, произошедшей с женщиной, отлично понимая, что при том столпотворении, которое творилось во всех ближайших мотелях и гостиницах вокруг аэропорта, администратор надеялась приподнять деньжат на том самом резервном фонде, а тут такой облом нарисовался в его лице. Причем, видимо, не первый облом, потому как выяснилось, что одноместный номер из все того же резерва уже кем-то занят.

Ну извините, мадам, так получилось – не погреть тебе сегодня ручку приятным шелестом купюр.

Но на настроения администратора и ее отношение лично к нему Югрову было глубоко наплевать – устал он зверски, особенно если учесть, что у него за сегодня это уже четвертый аэропорт, не говоря про дела-заботы и встречи, состоявшиеся в промежутках между ними.

И вдруг эта девушка.

Невысокая, макушкой ему по плечо будет, светло-русые волосы схвачены в высокий конский хвост, выпустивший на волю несколько непослушных прядок, которые она то и дело поддувала, откидывала рукой и заправляла за ухо автоматическим жестом, но те все норовили снова выскочить на свободу.

Стройненькая, можно было бы сказать даже – худоватая, если бы не пышная грудь и симпатичная круглая попка. Личико сердечком, чуть вздернутый аккуратный носик, ярко-голубые глаза, почти такого же оттенка, как у него самого, уголки пухлых губ поддержаны вверх, что встречается редко,

в основном у людей позитивных по жизни и смешливых. И потрясающие ямочки на щеках, появляющиеся, даже когда она просто говорила, и улыбка, озарявшая все лицо.

Девушка пыталась улыбаться и шутить, хоть и пребывала в состоянии очевидной усталости и легкой растерянности от ситуации, в которой оказалась. И эта ее улыбочивость, близкая смешливость и трогательная рассеянность, когда она, сдвигая бровки, пыталась сообразить, что же ей делать дальше, эти вспыхивающие ямочки на щеках зацепили Игоря, аж прямо до чего-то непонятного, затеплившегося в груди.

Не то чтобы он запал на девушку, не совсем. Да, симпатичная, да, очень привлекательная, очень. И есть в ней какое-то особенное, притягивающее очарование и эта ее смешливость, ямочки... но сейчас Югров испытал к незнакомке скорее человеческое участие и сочувствие, нежели конкретное сексуально-эротическое влечение.

Да и, честно сказать, не до девушек ему сейчас было. Вот совсем.

Предложить ей пустую кровать в доставшемся ему двухместном номере было абсолютно естественным порывом с его стороны, не мог он не предложить, даже если бы на ее месте оказалась менее симпатичная девушка или женщина в возрасте. Но когда она обожгла его пораженным взглядом голубых глаз, глянув как на волшебника-спасителя, Югрова конкретно пробрало, и что-то такое непонятное в душе цапнуло.

Впрочем, эта мимолетная реакция быстро испарилась, задвинутая доминирующей сейчас над всеми его чувствами и реакциями догнавшей сполна, накопившейся усталостью. Которая, к слову, не помешала Югрову таки подсмотреть имя-фамилию незнакомки, когда та заполняла анкету.

Надо же – Агата, да еще и Власовна. И фамилия красивая – Соболевская.

Ладно, пофиг, хоть Муся Пупкина – без разницы. Что-то его прямо конкретно рубит – срочно спать.

Но Игорь не сумел заснуть! Что за хрень-то вообще?!

Вроде бы лег, еле удержавшись, чтоб не застонать от удовольствия и блаженства, растянувшись на удобном матрасе под одеялом, глаза закрылись сами собой, и тело растеклось уставшей лужицей – казалось бы, все, спи, Игорь Валентинович. А вот хренушки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.